

ГЛОБАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ

6.2

4 выпуска в год на 16 языках

Реабилитируя
У. Э. Б. Дюбуа

Плюрализм в исследованиях
общественных движений

Социология
в арабском мире

Социология и политика на Ближнем Востоке

- > Ливанский мусорный кризис
- > Нормализация крайнего насилия
- > Защитить гражданское население

Социология после коммунизма

- > Остаться человеком в бесчеловечном мире
- > Становление китайского публичного социолога

Форум МСА в Австрии

- > От локального к глобальному и обратно
- > Социальные проблемы в Австрии

Специальные колонки

- > Социология и изменения климата
- > Свобода и насилие в Индии
- > Исследовательское письмо
- > Приветствуем казахскую команду

ЖУРНАЛ

ТОМ 6 / ВЫПУСК 2 / ИЮНЬ 2016
www.isa-sociology.org/global-dialogue/

ГД

International
Sociological
Association
isa

> От редактора

Социология с периферии

Самая инновационная социология зачастую приходит с периферии академии, а нередко и вовсе зарождается вне ее пределов. Типичное тому подтверждение - Уильям Эдуард Бёркхардт Дюбуа, наверное, важнейший социолог из Соединенных Штатов за всю историю социальных наук. Ему посвящена новая книга Алдона Морриса «Отвергнутый ученый» (The Scholar Denied), о которой повествуется в настоящем номере нашего журнала. Моррис демонстрирует читателям, что афроамериканский социолог Дюбуа, получивший образование в Германии и Гарварде, основал социологическую школу в Атланте, ничем не уступавшую чикагской. Если бы не расизм тогдашней академии (а, впрочем, и нынешней), Дюбуа, без сомнения, был бы признан истинным основателем американской социологии. Недооцененный и непризнанный, он покинул академию, избрав поприще редактора и комментатора общественно-политических проблем. Затем он написал несколько важнейших книг о расе и классе, субъективном опыте расизма, пан-африканизме и американском империализме.

В настоящем номере мы познакомимся и с другими представителями социологии с периферии. Дмитрий Шалин описывает смелость и честность, с которой Владимир Ядов противостоял бюрократическим структурам Советского Союза, а также описывает социалистическое мировоззрение, которое Ядов сохранил и в постсоветское время. Сходным образом, Франсуа Лашапель рассказывает, как опыт марксиста-ленинца и хунвейбина привел китайского социолога Шен Юаня в критическую социологию, превратив его в харизматичную фигуру, вдохновляющую членов социологического сообщества и студентов. Сари Ханафи, которого в этом номере интервьюирует Мохаммед Эль-Идриси, проделал нелегкий путь из палестинских лагерей для беженцев в Сирии к защите докторской во Франции; длительное время он жил в Каире и в Рамалле, а затем переехал в Бейрут, где он стал основателем и редактором арабского социологического журнала «Идафат». Бесстрашно критикуя власти, он ведет прекарное существование, посвящая свои силы развитию социологии на Ближнем Востоке.

Продолжая тематику Ближнего Востока, Нисринэ Чаэр предлагает емкий содержательный анализ ливанского мусорного кризиса и социальных движений, вызванных им. В статьях Лайзы Хаджар и Амитаи Этциони представлены различные взгляды на легитимность реального и потенциального расширения израильского насилия против мирного населения Ливана.

Еще одна тема этого выпуска ГД – национальные социологические ассоциации. Мы предлагаем читателям серию статей из Австрии. Первая из них посвящена Третьему форуму МСА, который будет проходить в Вене с 10 по 14 июля 2016. Четыре статьи посвящены четырем интереснейшим исследованиям молодых австрийских социологов. Райли Данлеп и Роберт Брюль из США написали о результатах обсуждения климатических изменений, принятых специальной комиссией Американской социологической ассоциации. Мы также воспроизводим заявления Исполнительного комитета МСА и индийских социологов, осуждающее насилие и угрозы свободы самовыражения в индийских университетах. Рейвин Коннел, в течение многих лет преподающая социологию в Австралии, дает несколько советов юным социологам о том, как писать исследовательские тексты. Номер закрывается представлением новой казахстанской команды «Глобального диалога», взявшей на себя непростую задачу перевода социологических статей на свой национальный язык.

> «Глобальный диалог» доступен на 16 языках на [сайте МСА](#)
> Присылайте статьи на адрес burawoy@berkeley.edu

Алдон Моррис, ведущий социолог США, реабилитирует афроамериканского интеллектуала и политика У. Э. Б. Дюбуа в качестве отца-основателя американской социологии.

Итальянский социолог **Донателла дела Порта** рассказывает, как она стала одним из ведущих исследователей социальных движений.

Сари Ханафи, вице-президент МСА и редактор «Арабского социологического журнала», рассказывает о задачах арабской социологии.

«Глобальный диалог» стал возможен благодаря щедрому гранту SAGE Publications.

> Редакторский совет

Главный редактор:	Майкл Буравой.
Помощник редактора:	Гэй Сидман.
Исполнительные редакторы:	Лола Бусуттил, Август Бага.
Редакторы-консультанты:	Маргарет Абрахам, Маркус Шульц, Сари Ханафи, Винита Синха, Бенхамин Техерина, Розмари Барбарет, Изабела Барлинска, Дилек Чиндоглу, Филомин Гутьеррес, Джон Холмвуд, Гильермина Джассо, Калпана Каннабиран, Марина Куркчян, Саймон Мападименг, Абдул-мумин Саад, Айсе Сактанбер, Сели Скалон, Савако Сирахасэ, Грацина Скапска, Эвангелия Тастсоглу, Чин-Чун И, Елена Здравомыслова.
Региональные редакторы	
Арабский мир:	Сари Ханафи, Мунир Сайдани.
Аргентина:	Хуан Игнасьо Пьовани, Пилар Пи Пуиг, Мартин Уртасун.
Бразилия:	Густаво Танигути, Андреса Гальи, Анжело Мартинс Младший, Лукас Амараль, Бенно Альвес, Хулио Давьес.
Индия:	Ишвар Модии, Раджив Гупта, Рашми Джайн, Джьоти Сидана, Прагья Шарма, Нидхи Бансал, Панкадж Бхатнагар.
Индонезия:	Каманто Сунарто, Хари Нугрохо, Лусия Ратих Кусумадеви, Фина Итрия, Индера Ратна Иравати Паттинасарани, Бенедиктус Хари Джулиаван, Мохаммад Шохибудиин, Домингус Эльчид Ли, Антониус Арио Сето Харджана.
Иран:	Рейханех Джавади, Абдолкарим Бастанни, Ниайеш Долати, Вахид Ленджанзаде.
Япония:	Сатоми Ямамото, Аманэ Хисада, Такаши Китахара, Такэхиро Китагава, Сатоши Манаба, Томоми Охасира, Ютаро Симокава, Масаки Ёкота.
Казахстан:	Айгуль Забировая, Баян Смагамбет, Адиль Родионов, Гани Мадыярбеков, Алмаш Тлеспеева, Алмас Рахимбаев, Амангелди Курметулы.
Польша:	Якуб Барщевски, Кшиштоф Губаньски, Юстина Косцыньска, Камил Липиньски, Миколай Мержеевски, Каролина Миколаевска-Зайонц, Адам Мюллер, Зофия Пенза, Тереза Тележиньска, Юстина Зелиньска, Яцек Зых.
Румыния:	Косима Ругиниш, Корина Брэгару, Адриана Бондор, Александра Чокэнел, Ана-Мария Ильеш, Руксандра Йордаке, Михай-Богдан Марьян, Рамона Маринаке, Анка Михай, Оана-Элена Негря, Йон Даниэль Попа, Диана Тихан, Кармен Войня.
Россия:	Елена Здравомыслова, Анна Кадникова, Ася Воронкова, Любовь Чернышова, Анастасия Головнева.
Тайвань:	Чжин-Мао Хо.
Турция:	Гюль Чорбаджоглу, Ирмак Эврэн.
Медиаконсультант:	Густаво Танигути.
Консультант редактора:	Ана Вилларреаль.

> В номере

От редактора. Социология с периферии	2
> СОЦИОЛОГИЯ КАК ПРИЗВАНИЕ	
Реабилитируя У. Э. Б. Дьюбуа	
Алдон Моррис, США	4
Плюрализм исследований социальных движений	
Донателла дела Порта, Италия	7
> СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ	
Социология в арабском мире: интервью с Сари Ханафи	
Мохаммед Эль-Идрисси, Марокко	9
Биополитика ливанского мусорного кризиса	
Нисринэ Чаэр, Нидерланды	12
Нормализация крайнего насилия: случай Израиля	
Лайза Хаджар, США	14
Защитить гражданское население: ответ Хаджар	
Амитаи Этциони, США	18
> СОЦИОЛОГИЯ ПРИ КОММУНИЗМЕ	
Остаться человеком в бесчеловечном мире: вспоминая Владимира Ядова	
Дмитрий Шалин, США	20
Становление китайского публичного социолога	
Франсуа Лашапель, Канада	23
> ФОРУМ МСА В АВСТРИИ	
От локального к глобальному и обратно	
Бригитте Ауленбахер, Рудольф Рихтер, Ида Сельеског, Австрия	25
Неравенство, бедность и благополучие в Австрии	
Корнелия Длабая, Юлия Хофманн, Альбан Кнехт, Австрия	28
Социальное неравенство, беженцы и «европейская мечта»	
Рут Абрамовски, Беньяним Грешль, Алан Шинк, Дезирэ Вильке, Австрия	29
Гендерное равенство и австрийский университет	
Кристина Биннер, Зузанне Кинк, Австрия	31
Рабочее время и борьба за лучшую жизнь	
Карина Альтрайтер, Франц Астляйтнер, Тереза Фибих, Австрия	32
> СПЕЦИАЛЬНЫЕ КОЛОНКИ	
Социология и изменения климата	
Райли Э. Данлэп, Роберт Дж. Брулл, США	33
Свобода и насилие в Индии	
Исполнительный Комитет МСА	35
Исследовательское письмо: логика и практика	
Рейвин Коннелл, Австралия	37
Приветствуем казахскую команду «Глобального диалога»!	
Айгуль Забировая, Баян Смагамбет, Адиль Родионов, Гани Мади, Казахстан	39

> Реабилитируя У. Э. Б. Дюбуа

Алдон Моррис, Северо-западный университет, Эванстон, США

Алдон Моррис.

Алдон Моррис широко известен своими новаторскими исследованиями, посвященными общественным движениям, в частности благодаря книге «Истоки движения за гражданские права», подчеркивающей организационный и культурный базис социального протеста. В настоящей статье он представляет свой новый долгожданный труд «Отвергнутый ученый» (The Scholar Denied, University of California Press, 2015), повествующий о начальном периоде истории американо-африканской социологии, а также о возвышении чикагской школы и маргинализации атлантской школы, выраженных в соревновании между двумя лидерами – Робертом Парком и афро-американцем Уильямом Эдуардом Бёркхардтом Дюбуа. Моррис демонстрирует, что созданная последним социологическая школа в Атланте смогла разработать исследовательскую программу, которая по всем параметрам была столь же впечатляющей, как и чикагская, однако ни в коей мере не могла сравниться с последней по уровню известности. Расизм, которым была поражена профессиональная социология в той время, определил характер восхождения чикагской школы, а также ход эволюции социологии как таковой. Сегодня Дюбуа продолжает оставаться источником вдохновения в социологии и за ее пределами, в то время как слава Роберта Парка померкла. В плане достижений Дюбуа должен по праву считаться основателем социологии в США.

У Э.Б. Дюбуа – афроамериканский историк, писатель, поэт, публичный интеллект, журналист, активист/лидер и социолог. Из всего вышеперечисленного реже всего упоминаются его заслуги как первопроходца в социологии. В основном он воспринимается как радикальный публичный интеллект, ставший лидером афроамериканцев благодаря идеологической борьбе с сильным консервативным афро-американским лидером Букером Т.Вашингтоном.

Однако в своей новой книге «Отвергнутый ученый» я утверждаю, что именно Дюбуа основал первую социологическую школу в Америке, процветавшую в течение первых двух десятилетий двадцатого века. Школа была основана на базе Университета Атланты (в настоящее

время это небольшой, финансово бедный преимущественно афро-американский университет Кларк Атланта в Атланте, штат Джорджия), включала в себя афро-американских ученых, студентов бакалавриата и магистратуры, а также общественных деятелей. Существовая на периферии элитной академии, социологическая школа Дюбуа в Атланте опиралась на исследования как профессиональных ученых, так и любителей, эмпирическая работа и теоретический анализ которых положили начало научному подходу, укорененному в сообществе угнетенных.

Предприятие Дюбуа было поистине революционным, поскольку его социологическая школа занималась антигегемонным анализом расового и социального неравенства. В этот исторический период на самом пике

>>

находился социал-дарвинизм, оправдывавший американский расовый апартеид и европейскую колонизацию цветных народов в мировом масштабе. Социал-дарвинизм идеологически оправдывал белые империи Европы и Америки. Воинствующий расизм шел рука об руку с консенсусом, сложившимся в американских социальных и естественных науках, утверждающим, что афроамериканцы биологически неполноценны по сравнению с белыми. Как социолог Дюбуа задался целью опровергнуть утверждение, что неравенство является результатом биологически обусловленных расовых черт. Напротив, он утверждал, что расовое неравенство определяется уровнем дискриминации и угнетения. Начиная с «Негра Филадельфии», исследования, опубликованного в 1899 году, а также в последующих работах, школа Дюбуа последовательно проводила эмпирические подтверждения несостоятельности «научного» расизма.

«Отвергнутый ученый» – это книга, документирующая усилия Дюбуа по созданию исследовательской школы радикальной, революционной социологии под эгидой социологической лаборатории Атланты. В отличие от мейнстримной социологии, которой занимались, не вставая из-за письменного стола, в школе Дюбуа применяли многометодные подходы, прибегая как к качественной, так и к количественной методологии, дабы опровергнуть бытующее заблуждение о неполноценности афроамериканцев. Инновации школы в методиках сбора данных были частью теоретического и, что немаловажно, освободительного проекта, поставившего перед собой задачу выявить научные истоки расового неравенства и, как следствие, развенчать общепринятые социологические и общественные представления, в соответствии с которыми афроамериканцы считались от природы неполноценными и навеки обреченными находиться на низших уровнях развития человеческой цивилизации.

На основании своих исследований Дюбуа и его коллеги приступили к созданию более широкой теории, утверждая, что устоявшаяся глобальная структура белого господства, поддерживаемая аналогичными экономическими, политическими и идеологическими силами во всем мире, создала расовую стратификацию, определившую социальную реальность XX века. Расы, с этой точки зрения, являлись социологическим изобретением, а не биологическими единицами. В начале XX в. американские социологи были приверженцами биологического детерминизма в объяснении социальной реальности. Напротив, Дюбуа отдавал предпочтение структурному анализу, признавая при этом, что деятельность (агенсу) человека оказывает влияние на социальную структуру и может в некоторых случаях ее трансформировать. Более того, Дюбуа особо отмечал, что для объяснения социального неравенства социологам придется анализировать взаимодействие класса, расы и гендера. Таким образом, задача освобождения человека должна включать в себя одновременно борьбу против классового и расового угнетения.

В своих ранних работах Дюбуа разработал концепцию «двойного сознания», рассматривая самость (self) как социальный продукт, результат социального взаимодействия и коммуникации, но в значительной мере формируемый под влиянием расы и власти. Позже, он утверждал, что современное общество строилось на африканской работорговле и рабстве, сделавшими доступными рабочую силу и необходимые товары, которые западная буржуазия использовала для развития современного капитализма.

В США принято считать, что американская социология берет свое начало в Чикагском университете, где белые мужчины-преподаватели, как гласит официальная версия, разработали социологическую науку, которая затем распространилась в другие элитные университеты для белых. Но книга «Отвергнутый ученый» наносит удар по этой мифологии, демонстрируя, что научная социология была разработана двумя десятилетиями ранее в Атланте. Однако, несмотря на то, что именно Дюбуа разработал первую научную школу американской социологии, белые социологи, чувствовавшие угрозу, исходящую со стороны радикальных идей школы Дюбуа, особенно в вопросах расы, применяли экономическую, политическую и идеологическую власть для подавления идей этой школы в течение целого века. «Отвергнутый ученый» показывает, что социологические исследования школы Дюбуа во многом превосходили по своим результатам работы чикагской школы и других белых основателей социологии. Несмотря на это, институциональная дискриминация задерживала интеграцию вклада Дюбуа в мейнстримную социологию в США на протяжении большей части XX века. Даже сегодня, хотя многие из его влиятельных идей уже стали частью социологического канона, их авторство ошибочно приписывают белым социологам.

Социологической школе Дюбуа в Атланте пришлось преодолеть серьезные препятствия. В отличие от белых социологов, чьи исследования не выходили за пределы статус-кво и потому всецело поддерживались капитанами капиталистической промышленности, заинтересованными в легитимации со стороны так называемой «объективной науки», Дюбуа отказывали в ставке профессора в престижных университетах, в результате чего он испытывал острую нехватку исследовательских ресурсов. В своем бедном афроамериканском университете он не имел доступа к адекватному исследовательскому бюджету. Его радикальные идеи подвергались мониторингу и зачастую наталкивались на категорическое неприятие со стороны престижных издательств.

В книге «Отвергнутый ученый» я показываю, что школа Дюбуа разработала уникальную социологическую программу, бросающую вызов научному расизму, которым были поражены американские университеты. Школа была укоренена в угнетенном афроамериканском обществе, и Дюбуа мог пользоваться ресурсами лишь малого числа относительно привилегированных его

>>>

представителей. Ученые, студенты, общественные деятели работали на низких окладах, некоторые из них проводили исследования на волонтерских началах. Вместе с Дюбуа они верили, что наука может разоблачить миф о превосходстве белой расы, и терпеливо сносили лишения вместе со своим лидером во имя светлого свободного будущего.

Школа Дюбуа использовала освободительный капитал для разработки социологии местного сообщества. При поддержке афроамериканской общины атлантская школа сумела запустить исследовательскую программу, которая, по словам Буравого, характеризуется «встроенной автономией публичной социологии, позволившей Дюбуа и его афроамериканским коллегам создать и поддерживать независимое социологическое существование. Эта школа была более строгой в научном отношении, чем чикагская – которая все же сохранила сильное влияние спекулятивной философии истории. Она также была более критически настроенной в отношении реалий американского общества.

Социология атлантской школы не была оторванной или отчужденной. Напротив, это была публичная социология, стремящаяся к искоренению национального и глобального неравенства. Уже в 1900 году Дюбуа начал организовывать панафриканские конгрессы, собирая лидеров и ученых африканского происхождения со всего света для анализа идей, которые могли бы низвергнуть расистские режимы Джима Кроу (законы, устанавливающие расовую сегрегацию на юге США) и колонизацию. В США Дюбуа внес свой вклад в организацию Ниагарского движения и создание Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения. Обе организации напрямую критиковали господство белой расы. Он основал журнал «Кризис», в котором подвергались анализу и непримиримой критике гендерное и классовое угнетение. В течение всей своей продолжительной жизни Дюбуа оставался жестким критиком статуса кво, всегда стремившимся выявить социальные структуры и культурные формации, блокирующие человеческую свободу.

Как утверждает Майкл Буравой, чтобы сохранить релевантность, социология должна вернуться к своим радикальным корням. Критический анализ, освещающий отношения власти и человеческое господство, может быть

обнаружен в социологиях угнетенных, постколониальных социологиях, южной теории. Даже в рамках западных буржуазных социологий можно найти радикальные течения, стремящиеся прямо высказать истину перед лицом власти. Школа Дюбуа является «парадигматическим предшественником социологического вызова господствующему мировоззрению» (Буравой), что не всегда осознается из-за маргинализации школы. Основываясь на примере Дюбуа, книга «Отвергнутый ученый» показывает, что социологическая наука должна быть политической, вовлеченной и академически строгой, если она хочет претендовать на участие в публичных дебатах.

Действительно, социология, ориентированная на освобождение угнетенных, очевидно, должна быть более академически строгой, чем социологии политического статуса-кво, именно потому, что ставки настолько высоки. Социологи продолжают не замечать важность социологии Дюбуа, так как считают, что он всего-навсего занимался «эмпирической социологией черных» или исследовал «проблемы черного населения в США» как публичный интеллектual. Но такая трактовка позиционирует находки Дюбуа в узком гетто социологии чернокожих, не признавая его вклад в более широкую теорию или методологию социальной науки. Моя книга «Отвергнутый ученый» призвана опровергнуть эту ошибочную точку зрения, поместив Дюбуа и его школу в социологический пантеон наряду с Марксом, Вебером и Дюркгеймом, то есть туда, где он по праву принадлежит. Это позволит социологам увидеть значимость атлантской школы Дюбуа, обогатив тем самым свое социологическое воображение.

В конце книги я формулирую вывод о значимости школы Дюбуа для социологии. Если инновационная научная школа могла зародиться в худшие времена, когда толпа была готова к линчеванию, в условиях непризнания со стороны элит афроамериканского сообщества, которое она стремилась освободить, в контексте дискриминации со стороны расистского общества, контролирующего доступ к важнейшим ресурсам, тогда, быть может, еще теплится надежда для всех, стремящихся к производству знания во имя спасения человечества. ■

Корреспонденцию направляйте Алдону Моррису на адрес <amorris@northwestern.edu>

> Плюрализм исследований общественных движений

Донателла делла Порта, Нормальная высшая школа, Флоренция, Италия

Донателла делла Порта – одна из наиболее известных и продуктивных исследовательниц в сфере общественных движений. Ее работа охватывает множество стран, в особенности Европу и Латинскую Америку, и объединяет несколько дисциплин, прежде всего социологию и политологию. Сторонница мульти-методологического подхода к исследованиям, она является автором или соавтором 38 книг. Ее недавние исследования принадлежат к области политической социологии. Они включают работы, посвященные политическому насилию (Подпольное политическое насилие, *Clandestine Political Violence*, 2013), полицейскому контролю протестов (Можно ли спасти демократию?, *Can Democracy be Saved?* 2013), политической коррупции (Тайный орден коррупции, *The Hidden Order of Corruption*, в соавторстве с Альберто Вануцци, 2012), взаимоотношениям общественных движений с демократией (Мобилизуясь во имя демократии, *Mobilizing for Democracy*, 2014), реакции на неолиберализм (Общественные движения во времена жесткой экономики, *Social Movements in Times of Austerity*, 2015). Она давно проводит исследования с молодыми учеными из разных стран, являясь деканом Института гуманитарных и общественных наук в Нормальной высшей школе во Флоренции, где она возглавляет Центр исследований общественных движений (Cosmos). В статье, приведенной ниже, она рассказывает о своих исследованиях общественных движений.

Донателла делла Порта.

Мой интерес к общественным движениям возник благодаря нескольким факторам. В основе его лежал, несомненно, глубинный интерес к протесту, связанный с моим студенческим активизмом, а также фрустрация, вызванная незначительными результатами протеста в сравнении с затраченными ресурсами и большими надеждами. Была также определенная случайность, которая всегда влияет на жизнь исследователя. В моем случае я стала работать в этом исследовательском поле после того, как я попросила Алена Турена, писавшего в то время о зависимых обществах (тема особенно близкая по духу южанке вроде меня), быть моим научным руководителем моей магистерской диссертации в Высшей школе социальных наук в Париже. Он ответил на мою просьбу согласием, но отметил, что его интерес сместился в сторону изучения общественных движений. И тогда я подумала, почему бы и нет?

Несколько других счастливых случайностей свели меня к растущей и оживленной сети исследователей, находившихся в поиске новых парадигм для объяснения общественных движений, в том числе с Сиднеем Тэрроу, рецензировавшим мою первую статью об общественных движениях и ставшим на всю жизнь учителем и другом. Написание PhD диссертации на международной программе Европейского университетского института во Флоренции подарило мне не только языковые навыки, но и – в особенности – вкус к иным культурам. Такие ученые, как Филипп Шмиттер и Алессандро Пиццорно помогли мне выйти за пределы дисциплинарных границ социологии. После защиты диссертации я столкнулась с академическим nepотизмом в итальянской академии, в результате чего отправилась за границу, трансформировав свой негативный опыт миграции в крайне позитивный опыт «глубокого космополитизма». Множество счастливых случайностей подарили мне возможность развивать сотрудничество с молодыми учеными и строить исследовательские сети и центры, в том числе Центр исследования общественных движений (Cosmos), в настоящее время работающий на базе Нормальной высшей школы во Флоренции в Италии.

Изучая другие темы в рамках моей исследовательской и преподавательской деятельности, я осталась верной исследованиям общественных движений, по ряду причин – когнитивных, аффективных и межличностных. Во-первых, мне казалось, что большинство исследователей, занимающихся этой тематикой, сходны со мной в человеческом плане. Часто они были движимы искренним интересом в улучшении мира. Их опыт общественной и политической деятельности зачастую подвергается критике со стороны ученых, посвящающих себя более мейнстримным темам. Однако, на мой взгляд, этот опыт очень поле-

>>

жен в развитии научного поля, а также в плане улучшения аффективного климата среди ученых. Более того, политические обстоятельства также диктовали постоянные теоретические инновации: полю, в котором неконвенциональная политика считается маргинальной или патологической, был брошен серьезный вызов со стороны новых волн протеста, который привел к росту социального и научного принятия «другой политики» за пределами нормального парламентского процесса.

Такое расширенное определение политики также объясняет, почему исследования общественных движений часто ведут к теоретическому «скрещиванию». Исследования общественных движений возникли благодаря соединению разнообразных дисциплинарных подходов – от символического интеракционизма до социологии организаций, от социологической теории до политической науки – и потому они сконструировали целый ряд концепций и гипотез, комбинируя подходы различных областей знания. Этот тренд лишь набирает обороты, и помимо социологии и политологии он начинает включать в себя географию, историю, антропологию, теорию права, юриспруденцию и (даже) экономику, по мере того как каждый новый всплеск конфликтной политики приводит в исследования общественных движений все новые и новые поколения.

Меня всегда привлекал интерес к эмпирическим исследованиям и, надеюсь, мне удалось внести свой посильный вклад в формирование это направления эмпирической социологии. Надо отметить, что исследования общественных движений отличаются теоретической эклектичностью. Они также являются плюралистическими с методологической точки зрения. В исследовании общественных движений применяются разнообразные методы, объединяется качественная и количественная методология. В то время как, несомненно, озвучивается критика и самокритика применения конкретных методов исследования (от кейс-стади до количественного «событийного анализа»), методологической войны удалось избежать, и в исследовательском поле преобладает методологический плюрализм. В то время как во многих полях социальных исследований стандартный нарратив на эпистемологическом уровне противопоставляет позитивистские и интерпретативистские перспективы, а дебаты фокусируются на противопоставлении онтологических предположений о существовании реального мира, исследователи общественных движений чаще склоняются к более нюансированным точкам зрения. Даже те, кто придерживается неопозитивистских взглядов, признают важность конструирования концепций, в то время как конструктивисты не отказываются от поиска intersubjectивного знания. Большая часть исследований общественных движений сочетает внимание к структурам и восприятиям (например, политическим возможностям и их фреймингу), считая их близко связанными. Подобным образом, большинство ученых сочетают некоторую долю скепсиса по поводу всеобъемлющих законов со стремлением выйти за пределы атеоретических кейс-стади.

Такой инклюзивный взгляд стимулирует перекрестное теоретическое оплодотворение и создание пространства для построения общего знания. Индуктивный и дедуктивный под-

ходы сочетаются в данном процессе, как и качественная и количественная методологии. Часто применяются стратегии смешанных методов и триангуляция разных методов. Исследования общественных движений достаточно прагматичны в отношении использования разнообразия техник сбора и анализа данных. И хотя лишь немногие исследователи общественных движений считают, что социальная наука является нейтральной или что она должна быть подчинена политическим целям, степень политической приверженности, пропагандируемой в научной работе, варьируется в рамках континуума, провоцируя интересные нормативные и этические дебаты.

Существует целый ряд объяснений существования этого неожиданного теоретического плюрализма. С одной стороны этот эффект объясняется отсутствием вызывающих доверие баз данных, которые фигурируют, например в исследованиях выборов или социальной стратификации. Массовые опросы населения не помогают изучать активные меньшинства, а организации общественных движений почти никогда не сохраняют архивы, а зачастую даже не держат списков участников. Импорт и адаптация методов сбора данных из других областей знания, а также методические инновации помогают углубить эмпирический анализ. Существует также определенное нормативное давление на производство знания, ориентированного не только на научное теоретизирование, но и на социальную интервенцию. Совместные исследования, проводимые вместе с теми, кого исследуют, также приводят к новым методологическим рефлексиям.

Несмотря на эти положительные тренды, исследования общественных движений подвержены постоянному риску пасть жертвами собственного успеха. Активно развиваясь в течение последних десятилетий, они сохранили фокус на Глобальном севере, зачастую испытывая трудности при обращении к вопросам конфликтной политики Глобального юга. Общий тренд в сторону интернационализации в социальных науках приводит к ряду крайне позитивным эффектам – особенно когда интернационализация понимается как исследование опыта различных стран, академических институтов, или культур. Такая интернационализация может помочь нам узнать о разнообразных подходах, методах, стилях, практиках, рассмотреть национальный опыт в сравнительной перспективе. Она поддерживает критический взгляд и интеллектуальный плюрализм. Однако интернационализация может быть более проблематичной, если она предполагает приверженность к определенной традиции. Мне посчастливилось быть научным руководителем и консультантом у студентов и слушателей пост-док программ из 35 стран. Благодаря этому опыту я поняла, сколь полезен может быть выход за рамки привычных англо-саксонских подходов и догм. Моя убежденность в том, что новые поколения исследователей создадут новые концептуальные модели, позволяет мне с оптимизмом оцениваться перспективы исследования общественных движений. ■

Корреспонденцию направляйте Донателле дела Порта на адрес donatella.dellaporta@sns.it

> Социология в арабском мире

Интервью с Сари Ханафи

| Сари Ханафи.

В настоящее время **Сари Ханафи** – профессор социологии и декан факультета социологии, антропологии и медиа-исследований в Американском университете Бейрута. Он также является редактором арабского социологического журнала Idafat (на арабском языке) и вице-президентом Международной социологической ассоциации и Арабского совета социальных наук. Его научные интересы включают социологию миграции, исследовательскую политику, гражданское общество, формирование элит и правоприменение переходного периода. Его последняя книга – «Производство знания в арабском мире: невыполнимое обещание» (*Knowledge Production in the Arab World: The Impossible Promise*) – написана в соавторстве с Р. Аванитисом и опубликована на арабском и английском языках. Лишь немногие смогли внести большой вклад в развитие социологии арабского мира, чем Ханафи; немногим удалось достичь больших успехов в налаживании сотрудничества арабской и западной социологии. Его интервьюирует Мохаммед Эль-Идрисси, профессор социологии в Эль-Джадида в Марокко.

МЭИ: Вы выросли в лагере палестинских беженцев Ярмук в Дамаске и до того, как заняться социологией, поступили на инженерно-строительный факультет. Повлияло ли ваше социальное происхождение на решение о смене профессии?

СХ: Да, несомненно! В то время, в начале 1980-х годов, я был очень политизирован, я хотел изменить мир! Конечно, сейчас я едва понимаю свою позицию в то время. Затем, меня волновали два вопроса: колонизация Палестины и авторитаризм в Сирии; именно они подтолкнули меня в сторону социологии. Неизгладимое впечатление на меня произвел мой первый арест после демонстрации в День Земли в лагере беженцев Ярмук в Дамаске, где я вырос. Офицер органов безопасности сказал мне тогда: «Вся ваша группа поместится в один автобус; вам ничего не стоит оказаться за решеткой!» Арабские авторитарные государства всегда недооценивали важность

таких «автобусных ребят» – определяемых либо как диссиденты-интеллектуалы, либо в более широком плане просвещенный средний класс – в разжигании протестов. Я успокаивался фукоистским анализом микрофизики власти и биополитики. Я отправился во Францию ради идей Фуко. Меня интересовал научный анализ государственной элиты, но в то же время мой собственный активизм помог мне воспринять социологию не только как профессиональное и критическое предприятие, в типологии Буравого, но и как публичное занятие и правозащитную деятельность.

МЭИ: В чем заключались трудности сочетания профессиональной и публичной социологии?

СХ: В арабском мире это не было легкой задачей. Социологию, как и все другие общественные науки, лучше всего воспринимать не как боевое искусство, отнимающее у людей их повседневную идеологию и здравый смысл, как предлагает Пьер Бурдьё, но в качестве инструмента государства в модернизационных проектах. Две силы стремятся к делегитимации социальных наук: авторитарная политическая элита и некоторые идеологические группы, в частности, ряд религиозных авторитетов. Обе проблематизируют сомнительное происхождение социальных наук (то есть их появление во время колониальной эры) и их иностранное финансирование. В настоящее время, однако, проблема заключается не только в религиозных группах, но и в тех, кого я называю арабскими «нелиберальными» левыми. Они настолько высокомерны, что совершенно упускают из виду изменения на местах и пытаются противостоять таким универсальным ценностям как демократия. Конечно, арабские восстания обнажили некоторые положительные когнитивные изменения, но социальная наука не смогла сыграть значительную роль в поддержке перемен и рационализации дебатов – везде за исключением Туниса, где ученые достигли значительных успехов в развитии диалога в обществе и в сотрудничестве с гражданским обществом. Присуждение Нобелевской премии квартету «Национальный диалог» также стало важной символической победой.

МЭИ: Смогли ли социологи внести свой вклад в положительные когнитивные изменения в период после восстаний?

СХ: Большинство постколониальных исследований в регионе страдают примитивизмом. Они неспособны объяснить изменения в арабском мире. Многие арабские восстания закончились провалом, но не просто из-за империализма или постколониального господства, но из-за глубоко укоренившегося и долгоиграющего авторитаризма, а также из-за отсутствия доверия со стороны людей, которые находятся в процессе ознакомления с такими ценностями как плюрализм, демократия, свободы и социальная справедливость. Арабский мир нуждается в социологических инструментах для понимания социальных движений в соответствии с моделью, предложенной

Асефом Баятом, то есть как тихого, длительного, но неутомимого посягательства обычных людей на имущих и власть имущих с целью выжить и улучшить свою жизнь.

На мой взгляд, публичная социология всегда стремится спровоцировать дискуссию о способности социальных акторов трансформировать общество. Моя роль как социолога заключается в том, чтобы показать, что не существует ни абсолютного зла, ни абсолютного добра. Социология, с ее социологическим воображением и акцентом на деятельность акторов, напоминает нам о сложном характере социальных явлений. Иными словами, социология напоминает общественности о необходимости размышлений о народной массовой борьбе глубже, чем повторяющиеся объяснения конфликтов в геополитической (когда государства X и Y представляются как «оппозиция», прибегающую к военным действиям), или межэтнической рамках. К сожалению, многие ученые, СМИ и обыватели рассматривают конфликт в таких странах, как Сирия или Бахрейн, именно сквозь эту межэтническую призму. Социология также напоминает нам о том, что следует анализировать альянсы с точки зрения конвергенции интересов, а не как противостояние двух партий (например, противопоставление лагеря сопротивления и лагеря империализма и т.д.); что не только исламское государство (ИГИЛ), использует такфир (обвинения в отступничестве) для создания homo sacer (человека, который может быть убит без суда и следствия). В сущности тем же самым занимаются и те, кто занимается бомбежками гражданского населения. Социология напоминает нам о том, что молодежь присоединяется к ИГИЛ вовсе не оттого, что ей в руки попали конкретные книги или ее мозг был одурманен определенными интерпретациями Корана, а потому, что живет в контексте продолжительной политической и социальной изоляции.

МЭИ: Какую роль публичная социология на самом деле сыграла в арабском мире?

СХ: Арабскому миру еще предстоит признать важную роль социальной науки в рационализации общественных дебатов и предоставлении решений проблем, стоящих перед нами в настоящее время. В арабском регионе мы редко слышим о том, что социологи по заказу власти написали аналитический отчет по определенной проблеме, и что этот отчет затем подвергся оживленной дискуссии в публичной сфере. Даже когда тунисский диктатор Зейн аль-Дин Бен Али использовал науку в качестве идеологического оружия в беспощадной борьбе против тунисских исламистов в 1990-х, он обращался не к общественным, а к точным наукам. Встречи представителей науки рассматриваются как любые другие публичные собрания и потому проводятся под полицейским надзором. Но есть здесь я вижу ответственность самих социологов: им не удалось создать научное сообщество, способное развить влиятельную точку зрения и уверенный голос, способный защитить тех, кто критикует власти.

>>

МЭИ: Это очень важный момент: Почему научное сообщество настолько слабо в регионе?

СХ: Для укрепления научного сообщества необходимы два процесса: во-первых, профессия должна иметь статус, во-вторых, этот статус следует институционализировать через создание национальных социологических ассоциаций. Ни одно из этих условий не выполняется в арабском мире. Есть только три активных социологических ассоциации (в Ливане, Тунисе, Марокко), и, что интересно, эти страны отличаются гораздо меньшей распространенностью государственных репрессий по сравнению с другими арабскими странами. Недавно созданный Арабский совет по социальным наукам обсуждает, каким образом можно способствовать созданию таких ассоциаций.

Как я уже говорил, научное сообщество должно быть способно противостоять не только репрессивному государству, но и силам, стремящимся делегитимизировать социальные науки. Религиозные власти чувствуют угрозу, исходящую от социальных наук, так как соревнуются с ними в публичном дискурсе. Однажды я наблюдал жесткие теледебаты, в которых принимал участие религиозный лидер и активист: почивший Шейх Мохамед Саид рамадан аль-Бути (утверждавший, что ислам выступает против любой формы планирования семьи) и антиклерикальная активистка из Всеобщего союза женщин Сирии, организации, спонсируемой государством. Хотя планирование семьи попадает целиком в сферу экспертизы социологии и демографии, социальным ученым ни разу не приходило приглашение принять участие в подобного рода дебатах. Приведу другой пример, на этот раз из Катар. Дабы защитить себя от консервативных политических и религиозных комиссаров, власти Катара просят филиалы зарубежных университетов вести преподавание в точности по тем программам, что разработаны в головных кампусах. Но в таком случае кто же защитит преподавателей в таких «парашютирующих» университетах? В недавнем интервью президент катарского университета «Карнеги Меллон», дабы защитить себя от нападок,

утверждал, что именно власти Катара ответственны за учебные программы в университетах страны. И вот каждый пытается предотвратить развитие дискуссии в проблематичном контексте, когда свобода выражения очень ограничена. Развитие «сферы науки» может стать экстерриториальным пространством исключения из правил, в том плане, что местные законы не имели бы здесь полной силы, наделяя научное сообщество свободой критики в адрес общества. В таком случае, однако, существует риск отрыва науки от потребностей общества.

МЭИ: В качестве вице-президента Международной социологической ассоциации (МСА) какой вклад вы можете внести в институционализацию социологического сообщества?

СХ: МСА может сыграть решающую роль в этой задаче. На Всемирном конгрессе МСА в Иокогаме в 2014 году я был избран на пост вице-президента по вопросу национальных ассоциаций на четыре года. Перед собой я поставил пять первоочередных задач: во-первых, способствовать сотрудничеству Севера и Юга на индивидуальном, институциональном уровнях и на уровне социологических коллективов. Во-вторых, вдохновить социологов всего мира, в особенности из Южной Америки, Африки и Ближнего Востока, на вступление в Ассоциацию, так как число членов МСА в этих регионах остается относительно низким. В-третьих, собирать средства для спонсирования участия социологов из бедных стран (категории В и С) в конференциях МСА. В-четвертых, я стремлюсь к тому, чтобы национальные ассоциации в Южной Америке, Африке, на Ближнем Востоке, а также в Европе приобрели статус коллективных членов МСА. Наконец, я хочу, чтобы МСА более эффективно поддерживала национальные научные сообщества, чаще посещая мероприятия этих ассоциаций и поощряя региональное сотрудничество. Передо мной стоят поистине колоссальные задачи. ■

Корреспонденцию направляйте Сари Ханафи на адрес <sh41@aub.edu.lb> и Мухаммеду Эль-Идриси на адрес <mohamed-20x@hotmail.com>

> Биополитика ЛИВАНСКОГО мусорного кризиса

Нисринэ Чаэр, Утрехтский университет, Нидерланды

| Мусорная свалка в Бейруте.

Ливанские протесты в августе 2015 года, ставшие реакцией на мусорный кризис, переросли в народное движение против коррупции. Кризис системы управления отходами дает возможность заглянуть в биополитику Ливана, позволяя выяснить, каким образом ливанские государственные и религиозные партии воспроизводят и поддерживают паттерны проявления насилия по признаку классовой принадлежности и гражданства.

Бейрутский мусорный кризис начался в июле 2015 года, когда отходы стали скапливаться на улицах. Подошел к концу долговременный контракт государства с компанией «Суклин». Такие отношения характерны для ливанских методов приватизации, подразумевающих, что государственные контракты формируются с учетом политической лояльности элит, при этом процветает коррупция и хищение. Кампания «You Stink» («Ты воняешь»), инициированная гражданским обществом среднего класса и акти-

вистами социальных сетей, привлекла широкую публику, включая НГО, студенческие группы, группы левой, антирелигиозной и феминистской направленности. Протестующие высказывались по поводу всем известных проблем: коррупции, nepotизма, недостатка публичного пространства, необходимости отмены конфессионального режима, ответственности полицейских структур за насильственные действия в отношении граждан.

Более 70 тысяч людей участвовали в главном протесте 29 августа. Однако поворотный момент произошел на неделю раньше, когда организаторы движения дистанцировались от граждан, протестующих на улицах. Протесты приняли насильственный характер, и организаторы обвинили многих участников в саботаже мирной демонстрации, называя их «мундасин» – этим арабским словом обозначают бандитов и диверсантов. Организаторы протеста «You Stink» даже обращались к властям с просьбой применить суровые меры к «диверсантам» и

«очистить улицы» от агрессивно настроенных протестующих. Устроители демонстрации заявили, что молодые люди, принимающие участие в акции, являются «бандитами» из политической партии «Амаль». В последующие несколько дней многие демонстранты (в основном левые) отвечали на выпад «You Stink» такими лозунгами, как «Я – мундас» («Я – диверсант»), подвергая критике пренебрежительно-снисходительный смысл, вкладываемый в термин «мундас». Таким образом они добивались извинений от лидеров-организатор «You Stink».

Однако в результате этого инцидента был выявлен глубокий раскол. Ливанские СМИ, политики и некоторые активисты своим употреблением слова «мундасин» воспроизводили классистский/расистский дискурс, отрекаясь от протестующих и подчеркивая их «внешние отличия». Одна ливанская газета назвала их «собаками», другие, игнорируя весь смысл протеста, обозначали участников как «мужчин с голой грудью» или «мужчин

>>

Сторонники движения "You Stink" выступают против ливанского правительства.

в масках». Некоторые СМИ, связанные с суннитскими и христианскими политическими партиями, утверждали, что протестующие происходят из шиитских рабочих районов, таких как Ханда Эль-Гамик, и принадлежат к партии Хезболла. Другие заявляли, что протестующие являются беженцами из Сирии и Палестины.

Власти ответили на протест жесткими мерами: полиция противодействия уличным беспорядкам применила против демонстрантов оружие, а оставшиеся в живых были задержаны. Технология дегуманизации, вооруженная ярлыком «мундасин», смогла оправдать применение насилия против протестующих с низким уровнем дохода или не-ливанского происхождения. В ливанской биополитической системе так называемые «мундасин» – то есть, представители рабочего класса и граждане других стран – превращаются в криминальные элементы, которые можно бросить умирать на улице. Тела представителей привилегированных элит, напротив, считаются достойными жизни.

В ответ протестующие стали организовывать и практиковать неформальные формы заботы с целью защитить участников от насилия со стороны полиции. После каждой волны хаотичных задержаний спонтанно возникали сидячие пикеты перед тюрьмами. Это становилось все более частым явлением и постепенно переросло в практики сопротивления. Саркастические баннеры юмористически критиковали демонизированный термин «*indiseis*» («просачивание», «внедрение»). Некоторые участники

пикетов написали на плакатах «Je suis Khanda'» (название региона, из которого якобы происходят мундасин), «Мы – мундасин», «#Indiseis», «Это революция *Indiseis*», «Приходите *Indass* (внедриться) и увидите, какой я нежный». Другие плакаты высмеивали полицейских «агентов под прикрытием», которые вели наблюдение в толпе.

Рекламация понятия «мундас» получила распространение. Когда глава Ассоциации торговцев Бейрута заявил, что протестующие «коммунисты» («отрыгнутые Россией») повергнут экономику в упадок и лишат страну цивилизованного «лица», демонстранты превратили центр Бейрута в «Сук Абу Рахуса», – «рынок дешёвых вещей» – организовав большой блошиный рынок в незаконно приватизированном, недоступном, «модном» пространстве города. Тысячи людей приходили сюда, коллективно пародировали комментарии и развлекались в новоосвоенном месте.

Какую информацию о ливанской классовой системе и гражданстве мы можем вынести из истории протестов по поводу городских отходов? Ливанская система правления позволяет политическим элитам получать выгоду от тендеров на управление отходами. Элиты связаны с населением сложной сетью капиталистических экономических взаимоотношений, подкрепленной политикой конфессионального разделения. В ливанской биополитике участвуют неolibеральное государство и религиозные акторы, конвертирующие жизни и тела представителей элиты в высшие экономические категории, одновременно контролируя и подчиняя тела тех,

кто к элите не относится.

Большинство свалок расположены в маргинализированных районах. По сути, контракт с компанией «Суклин» закончился именно тогда, когда жители области На'амех загородили проезд к крупной свалке, представляющей серьезную опасность для здоровья и экологии со времени своей легализации в 1998 году. Несмотря на то, что правительство обещало закрыть свалку в 2004 году, в 2015 она все еще использовалась. Те, кто живет по соседству со свалкой, подвергаются воздействию опасных веществ, токсинов и канцерогенов, что иллюстрирует прямую связь между классовой принадлежностью и переживанием мусорного кризиса. Государство и религиозные партии осуществляют контроль над телами людей, живущих около свалок, обрекая их на медленную смерть.

Паттерны дегуманизации, полицейская жестокость, экологическое насилие как следствие свалок мусора – вот типичный результат архитектуры ливанского порядка, во главе которого уже несколько десятилетий стоят одни и те же коррумпированные лидеры. Мусорный кризис и скопление отходов на улицах не только делают коррупцию политических властей более очевидной. Эти острые проблемы также выявляют классовое и расовое измерение насилия, глубоко высеченное в политических принципах сектарианского национального государства, разделяющего население по конфессиональному признаку. ■

Корреспонденцию направляйте Нисринэ Чаэр на адрес <nisrine.chaer@gmail.com>

> Нормализация крайнего насилия: случай Израиля

Лайза Хаджар, Университет Калифорнии, Санта-Барбара, США

Дым и пламя от взрыва израильских бомб в Газе, июль 2014.

Амитаи Этциони, профессор Университета Джорджа Вашингтона, 15 февраля 2016 года опубликовал статью в израильской газете Хаарец под названием «Следует ли Израилю рассмотреть возможность применения разрушительного оружия против ракет

движения Хезболла?» Цитируя, во-первых, неназванного израильского чиновника, утверждавшего, что в распоряжении движения находится более ста тысяч ракет, представляющих собой значительную угрозу безопасности, Этциони, сославшись на начальника штаба Израиля, отметил, что большин-

ство ракет находится в частных домах. Запуск наземной операции для уничтожения ракет «скорее всего, привел бы к большому числу жертв со стороны Израиля, а также со стороны гражданского населения Ливана», - пишет Этциони. Альтернатива, которую обсуждает Этциони, заключается в использовании боеприпасов объемного взрыва (БОВ), т.е. в «распылении горючего вещества в виде аэрозоля с последующим подрывом газового облака, приводящим к массовым взрывам, способным стереть с лица земли здания на значительном расстоянии». Он признает, что даже при заблаговременном уведомлении людей на данной территории жертвы среди мирного населения неизбежны. Таким образом, утверждает он, так как «Израиль могут вынудить к использованию БОВ», иностранные военные эксперты и публичные интеллектуалы, «не продемонстрировавшие доселе негативного настроения по отношению к Израилю», должны придумать ответ на реакцию, которую вызовут последствия применения этих боеприпасов, в надежде, как он пишет, «вызвать понимание, если не принятие, использования этих орудий, учитывая, что никакие иные меры не являются эффективными»

Государства имеют право на защиту от угроз безопасности, но использование военной силы регулируется международным гуманитарным правом (МГП), основанным, в первую очередь, на различии военнослужащих и военных мишеней, с одной стороны, и гражданского населения и гражданских объектов, с другой. Государства имеют право применять силу, пропорциональную масштабам военных мишеней и необходимую для достижения легитимных военных целей. Но даже если Хезболла действительно устанавливает ракеты в домах мирного населения, любой сценарий, подразумевающий использование разрушительных орудий вроде БОВ нарушает основы гуманитарных

принципов различения и пропорционального ответа.

Предлагая зарубежным военным экспертам и публичным интеллектуалам оказать Израилю помощь в профилактической нормализации экстремального насилия, которое неизбежно станет результатом применения БОВ, Этциони действует подобно тому, как Израиль действует в отношении международного гуманитарного права. В отличие от тех государств и военных формирований, которые вопиюще нарушают и отрицают его, Израиль в течение долгого времени занимается его стратегической реинтерпретацией, надеясь ввести собственное насилие в рамки закона. Например, в 2000 году Израиль стал первым государством, открыто заявившим о своем праве на внесудебные казни в качестве меры безопасности. Вот как комментирует происходящие изменения Даниэль Рейснер, бывший глава подразделения международного права Военной прокуратуры Израиля:

В настоящее время мы наблюдаем ревизию международного права [...] Если вы действуете определенным образом в течение достаточно продолжительного периода времени, то, в конце концов, мир примет это. Все международное право теперь основано на идее, что акт, запрещенный сегодня, становится приемлемым, если его совершает достаточное число стран [...] Международное право претерпевает изменения через систематические нарушения.²

Сценарий Этциони, подразумевающий использование БОВ, основывается на вполне конкретных трендах последних милитаризованных конфликтов в Израиле, а также на аргументах, озвучиваемых правительством для объяснения стратегического перехода к менее разборчивому и более разрушительному насилию. В сентябре 2000 года после начала второй интифады, которую чиновники называли «военным конфликтом, едва не вылившимся в

войну»³, Израиль заявил, что в случае самообороны он имеет право на нападение на так называемые «вражеские подразделения», то есть, на территории оккупированного Западного берега реки Иордан и Сектора Газа, находящиеся под полуавтономным контролем Палестинской национальной администрации. В конце марта 2002 года в ответ на подрыв смертника ХАМАС в отеле «Нетания» Израиль начинает массивную военную кампанию на Западном берегу. Операция «Оборонительный щит» обозначила переход к стратегии «Газонокосилка»⁴ - целью которой были масштабные разрушительные действия (карательные по своей направленности), лишение противника боеспособности и предотвращение дальнейшего насилия против Израиля. 9 апреля в битве за Женин (во время крупнейшей военной операции Израиля со времен вторжения в Ливан в 1982 году) тринадцать израильских солдат запаса погибли в бою. Это событие вызвало в Израиле повышенное политическое давление в сторону ведения военных действий, которые не приводили бы к жертвам среди военнослужащих. Итак, вместо того, чтобы посылать солдат в здания, чтобы ловить и убивать боевиков, было принято решение подвергнуть эти здания бомбардировке. Палестинцы были вынуждены действовать как живые щиты, чтобы уберечь своих солдат.⁵ В то время израильские военные считали проведение наземной операции более адекватной мерой, чем воздушный налет. Но городские операции непросты с тактической точки зрения, а также более опасны для военнослужащих. Использование человеческих щитов было стратегией по спасению военнослужащих, однако в 2005 году было запрещено Верховным судом Израиля.

В совокупности эти факторы мотивировали стратегический сдвиг в сторону усиленных ударов, наносимых с воздуха или со значительного расстояния. 22 июля 2002 года в целевой операции по уничтожению Салаха Шехадеха, лидера ХАМАС,

>>

Ф-16 сбросили бомбу весом 1 т в густонаселенном районе сектора Газа аль-Дарадж. Бомба разрушила жилой дом, где жил Шехадех, и восемь близлежащих зданий, а также нанесла повреждения еще девяти домам. Помимо виновника торжества и его охраны были убиты 14 палестинцев, в том числе восемь детей, а более 150 человек получили ранения. Возмущение общественности по поводу размера бомбы и бомбежки жилого квартала побудило израильских военных провести расследование, в результате которого был сделан вывод, что военные вполне оправданно выбрали Салаха Шехадех в качестве жертвы, так как он является виновником террористического насилия. Было признано, что имели место «недостатки в доступной информации», а именно наличие «мирных жителей» в непосредственной близости от того, что было описано как «оперативное укрытие» террориста⁶.

Такая риторика обнаружения «невинного гражданского населения» среди «легитимных целей» подчеркнула рефрейминг «враждебного гражданского населения», которое использовалось в качестве де факто живых щитов военными формированиями, против которых ведет войну Израиль, в попытке переложить вину с плеч израильских военных, наносящих удары по жилым кварталам, на плечи вражеских организаций. Сходным образом во влиятельном эссе, написанном профессором Университета Тель-Авива Асой Кашаром и советником израильских вооруженных сил генералом Амосом Ядлиным стратегическое предпочтение, которое Израиль отдает авиаударам по сравнению с наземными операциями, было оформлено как «этическое» решение. Они писали следующее:

Обычно стремление минимизировать жертвы среди военных во время военных действий – является последним в списке приоритетов, или предпоследним, если исключить террористов из списка невоеннослужащих. Мы жест-

ко противостоям данной концепции по моральным основаниям. Военный – это гражданин в униформе. В Израиле это часто или молодой призывник, или резервист [...] Тот факт, что лица, занимающиеся террористической деятельностью, проживают рядом с лицами, не занимающимися террористической деятельностью, не является оправданием действий, ставящих под угрозу жизнь военнослужащих во время операции»⁷.

Такая стратегическая реинтерпретация во имя безопасности военных, ставящейся превыше безопасности гражданского населения, противоречит самому принципу неприкосновенности гражданского населения, и производит миф о «гражданском статусе» военных. Она также противоречит принципу международного гуманитарного права, в соответствии с которым не предусмотрено различие граждан на основании их национальной принадлежности и гражданства. Грегуар Шамаю называет этот новый принцип «принципом неприкосновенности империалистического военного»⁸, заявляя, что «этот проект является ничем иным как радикальным подрывом закона о вооруженном конфликте в том виде, в котором он был создан во второй половине двадцатого века: растворение принципов международного права во имя национализма самосохранения»⁹.

В 2005 года Израиль в одностороннем порядке вывел наземные войска из Сектора Газа и закрыл регион. После выборов законодательной власти в Палестине в 2006 году, выигранных группировкой ХАМАС, а также после фракционного конфликта 2007 года, выдавившего Палестинскую администрацию из Сектора Газа, осада Сектора интенсифицировалась. Последовательность событий придала вес заявлениям Израиля о том, что Газа – враждебная контролируемая террористами единица территории, населенная сторонниками террори-

стов, в которой ХАМАС использует гражданское население в качестве живых щитов¹⁰. Такая официальная версия сравнима с израильской риторикой по поводу контролируемых партией Хезболла территорий Ливана, которая сопровождалась односторонним выводом израильских войск из Южного Ливана в 2000 году. Описание Сектора Газа как чуждого и враждебного потенциального объекта военного вмешательства, казалось, обосновывало тезис о том, что Израиль не должен нести ответственность за безопасность гражданского населения, даже в том случае, если именно Израиль выступает в роли нападающей стороны. «Подобный фрейминг событий постфактум является неотъемлемой частью процесса [легитимации бомбежек, уничтожающих большое количество гражданского населения], так как он позволяет Израилю утверждать, что насилие было применено в соответствии с международным правом и, следовательно, являлось морально оправданным»¹¹.

Во время вторжения Израиля в Ливан в 2006 году военные целенаправленно применили диспропорциональную силу в рамках стратегии под названием «Доктрина Дахия» (название которой напоминает о тотальном разрушении преимущественно шиитского южного пригорода Бейрута). В 2008 году генерал-майор Гади Эйзенкот, бывший глава Северного командования Израиля, заявил: «То, что произошло в квартале Дахия в Бейруте в 2006 году, произойдет вновь в каждой деревне, из которой по Израилю наносится удар. Мы применим непропорциональную силу, что приведет к колоссальному ущербу и разрушению. [...] С нашей точки зрения это не деревни, населенные мирным гражданским населением. Это военные базы. [...] Такая стратегия ответных действий не носит всего лишь рекомендательного характера. Это план действий. И этот план был одобрен»¹². Эта стратегическая логика получила дальнейшее развитие в октябре 2008 года в речи Габи Сибон

>>

ни, отставного полковника и стратегического аналитика, автора следующего высказывания:

Принцип реагирования, о котором идет речь, заключается, во-первых, в диспропорциональном ударе по слабым точкам противника и, во-вторых, в проведении операций по предотвращению способности врага запускать ракеты [...] Такой ответ преследует цель причинения разрушений в такой степени, которая потребует долгих и дорогих процессов реконструкции. Удар должен быть нанесен так быстро, как только возможно, и должен иметь приоритетом уничтожение имущества противника, а не поиск единичных конкретных атакующих [...]. Такой ответ запомнится надолго[...] и, тем самым, снизит возможность повторной агрессии в отношении Израиля в течение продолжительного времени¹³.

Действительно, уже спустя два месяца после того, как была озвучена новая доктрина применения диспропорциональной силы, Израиль начал операцию «Литой свинец» в Секторе Газа. По данным отчета международной исследовательской миссии, одобренной ООН, как израильские военные, так и палестинские бойцы совершали военные преступления и, возможно, преступления против человечности. По данным отчета Израиль рассматривал в качестве мишени «население Сектора Газа в его целостности», не делая различий между гражданским населением и военными. Атака Израиля на гражданскую инфраструктуру была целенаправленной, систематической и являлась частью более широкой стратегии.

Война в Секторе Газа в 2014 году, возможно, является одним из самых жестоких и разрушительных эпизодов за последнее время. Операция «Колонна защиты» включала

в себя более чем 6 000 воздушных атак, более 50 тысяч артиллерийских и танковых орудий, то есть около 21 килотонн взрывчатых веществ. Используемые орудия включали в себя дроны, вертолеты Апаче с ракетами Hellfire, F-16, нагруженные 2000-фунтовыми бомбами.¹⁴ Цели включали в себя широкий спектр инфраструктуры – в том числе опреснительные установки, электрические сети, больницы, школы и университеты, высотные жилые дома и торговые центры – а также все структуры, связанные или предположительно связанные с ХАМАС. К концу войны более 2100 палестинцев были убиты и более 11 тысяч получили ранения, подавляющее большинство из них были мирными жителями. Целые семьи были уничтожены, и целые кварталы – стерты с лица земли.¹⁵

Представления о том, что является законным на войне – особенно в этом столетии, когда характер военных действий претерпел такие резкие изменения – формируются частично на основании того, что практикуют государства, особенно могущественные. Применение Израилем крайнего насилия и преднамеренное игнорирование гражданского иммунитета иностранцев, безусловно, будет примером для других государств, действовавших в асимметричных конфликтах. Для них подобные оправдания могут показаться соблазнительными. Действительно, высказывание Этциони о том, что иностранные военные эксперты и публичные интеллектуалы должны придумать аргументы для оправдания использования БОВ Израилем – это приглашение к дальнейшей легитимации крайних форм насилия. Этот сценарий также намекает нам, какую роль могли бы сыграть социальные ученые, исследующие взаимоотношения закона и войны и приверженные интерпретациям гуманитарного права, основанным на консенсусе. Роль науки вклю-

чает попытки применения нашего экспертного знания для поддержания идеи о нелегитимности диспропорционального применения силы и оружия, не позволяющего разграничить гражданское население и военных. ■

Корреспонденцию направляйте Лайзе Хаджар на адрес <lhajjar@soc.ucsb.edu>

¹ Название статьи менялось 2 раза. См. Ben Norton, "Prominent American Professor Proposes that Israel 'Flatten Beirut' – a 1 million-person city it previously decimated," *Salon*, February 18, 2016.

² Yotam Feldman and Uri Blau, "Consent and Advise," *Haaretz*, January 29, 2009, available at <http://www.haaretz.com/consent-and-advise-1.269127>.

³ См. Asher Maoz, "War and Peace: An Israeli Perspective," *Constitutional Forum* 14 (2) (Winter 2005): 35-76.

⁴ Efraim Inbar and Eitan Shamir, "'Mowing the Grass': Israel's Strategy for Protracted Intractable Conflict," *Journal of Strategic Studies* 37(1) (2014): 65-90.

⁵ Yael Stein, *Human Shields: Use of Palestinian Civilians as Human Shields in Violation of High Court of Justice Order* (Jerusalem: B'tselem, 2002).

⁶ IDF Spokesperson, "Findings of the inquiry into the death of Salah Shehadeh," 2 августа 2002 г., доступно по адресу <http://www.mfa.gov.il/mfa/government/communiques/2002/findings-of-the-inquiry-into-the-death-of-salah-sh.htm>.

⁷ Kashar and Yadlin, "Assassination and Preventive Killing," *SAIS Review*, 25(1) (Winter-Spring 2005): 50-51.

⁸ Grégoire Chamayou, *A Theory of the Drone*, trans. Janet Lloyd (New York: The New Press, 2015): 130.

⁹ *Ibid.*, p.134.

¹⁰ См. Neve Gordon and Nicola Perugini, "The Politics of Human Shielding: On the Resignification of Space and the Constitution of Civilians as Shields in Liberal Wars," *Society and Space*, 34(1) (2016): 168-187.

¹¹ *Ibid.*

¹² "Israel Warns Hizbullah War Would Invite Destruction," *Ynet*, October 3, 2008, <http://www.ynetnews.com/articles/0.7340.L-3604893.00.html>.

¹³ Gabi Siboni, "Disproportionate Force: Israel's Concept of Response in Light of the Second Lebanon War," *INSS Insight*, 74 (October 2, 2008), <http://www.inss.org.il/index.aspx?id=4538&articleid=1964>.

¹⁴ Rashid Khalidi, "The Dahiya Doctrine, Proportionality, and War Crimes," *Journal of Palestine Studies*, 44(1) (2014-15): 5.

¹⁵ See "50 Days of Death and Destruction: Israel's 'Operation Protective Edge'," Institute for Middle East Understanding, September 10, 2014, <http://imeu.org/article/50-days-of-death-destruction-israels-operation-protective-edge>.

> ЗАЩИТИТЬ гражданское население: ответ Хаджар

Амитаи Этциони, Университет Джорджа Вашингтона, Вашингтон, округ Колумбия, США

Лайза Хаджар утверждает, что моя статья в газете «Хааретц» – следующий шаг в многоуровневой израильской кампании по приведению насилия «в рамки закона». В качестве ответа мне хотелось бы, в первую очередь, рассказать о том, какова была моя мотивация при написании статьи, а затем обсудить – в рамках предоставленного пространства – в чем, с моей точки зрения, заключается реальная проблема, и каким образом эту проблему можно решить.

Я потерял большую часть своих друзей и стал свидетелем большого количества смертей и несчастий, как среди арабов, так и среди евреев, во время войны 1948-50 гг. Этот опыт произвел на меня поистине неизгладимое впечатление и в некотором роде сформировал меня как личность (в самом разгаре войны мне исполнилось 20 лет). Я осознал в то время, что все войны – соответствуют они формальным критериям войны или нет – трагичны по сути, и мы обязаны предпринимать все возможные усилия для их предотвращения. Я посвятил две книги вопросу о том, как избежать атомной войны («Непростой путь к миру», *The Hard Way to Peace* и «Выиграть без войны», *Winning without War*). Я принимал участие в протестах против атомной бомбы на Трафальгарской площади. Я почти потерял работу в Колумбийском университете из-за своего активизма. Затем я стал одним из первых активистов, выступавших против войны во Вьетнаме (и тот, и другой опыт описаны в книге «Хранитель моего брата: мемуары и напутствие», *My Brother's Keeper: A Memoir and a Message*). Я выступал против вторжения США в Ирак. В книге «Безопасность превыше всего», *Security First* я утверждаю, что внимательное изучение исламских религиозных текстов показывает, что ислам сам по себе не одобряет насилие. Совсем недавно я написал целую серию статей, предостерегающих США и Китай от дальнейшей эскалации напряжения, грозящего вылиться в военный конфликт. Я способствовал организации группы китайских и американских публичных интеллектуалов, поддерживающих идею взаимного сдерживания. Коротко говоря, значительная часть моей жизни после 1950 года была посвящена борьбе с насилием.

К сожалению, мне не удалось выработать реальные конкретные способы приближения Израиля и Палестины к идее двух государств для двух народов, которую я активно поддерживаю. Вместе с палестинским ученым Шибли Тельхами я предположил, что прогресс возможен, если мы перестанем фокусироваться на прошлом, перестанем искать виноватых, и сосредоточимся на том, что мы можем сделать исходя из сложившихся обстоятельств. (Как только появятся два государства, писали мы, у нас будет много времени для учреждения комиссии Правды и Справедливости для изучения прошлого)¹. Я также писал, что на этой земле достаточно места для двух народов – в отличие от сторонников идеи, что кому-то предстоит утонуть в Средиземном море или бежать в Иорданию². Надо признать, что мои краткие выступления не внесли серьезного вклада в решение проблемы. Мне хотелось бы сделать намного больше, даже хотя бы ради моих четырех внуков и их родителей, живущих в Израиле.

А теперь вернемся к моей статье. Хаджар считает, что статья нацелена на введение насилия в рамки закона. Напротив, она написана, чтобы избежать кровопролития. Я считаю, что наличие в распоряжении партии Хезболла ста тысяч ракет не подлежит сомнению, как и то, что Хезболла заинтересована в уничтожении Израиля. Хезболла ни минуты не медлила, когда доходило до бомбежек Израиля в 2006 году, несмотря на то, что Израиль выполнил все международные обязательства по отношению к Ливану после выведения войск из этой страны (то есть оттуда, где он в принципе не имел права находиться). Это признала даже ООН, которую трудно заподозрить в симпатиях в отношении Израиля. Более того, существуют неоспоримые доказательства того, что большинство ракет установлены в частных домах. Таким образом, совершенно легитимен вопрос о порядке действий в подобной ситуации.

И вот, в своей краткой заметке я призвал поразмышлять над этическим, правовым и прагматическим вопросом: каким образом следует Израилю отвечать на такого рода нападение? Цель заключается не в легализации насилия,

“Цель заключается не в легализации насилия, а в предотвращении его”

а в предотвращении его. Если израильские войска начнут заходить в каждый дом, чтобы уничтожать эти ракеты, - писал я, обе стороны понесут большие жертвы, следовательно, этого необходимо избежать. В прошлом, отметил я, США рассматривало в качестве мишени мирных жителей в Токио и Дрездене. Есть мнение, что Израиль поступил таким же образом в 2006 году в Бейруте. Я выступал против этого. Затем я цитирую высказывания двух американских военных экспертов о приемлемости использования конвенциональных взрывчатых веществ высокой мощности – конечно же, с учетом того, что гражданское население оповещено, и что у него было достаточно времени эвакуироваться с территории, где находятся ракеты. Я признаю, что какими бы ни были предварительные меры предосторожности, к несчастью, неизбежны сопутствующие потери, сопровождающие все вооруженные конфликты вне зависимости от того, какое используется оружие. Сопутствующие потери – одна из ведущих причин, по которым обе стороны должны стремиться избежать войны. В заключение я высказал мнение, что и аутсайдерам следует принять участие в обсуждении, чтобы увидеть, нет ли у них лучших предложений по предотвращению нападения Хезболла и какой ответ более адекватен в случае запуска ими ракет.

Я не эксперт, чтобы оценивать утверждения различных израильских официальных лиц, процитированных Хаджар, и последствия этих высказываний. Однако, я с уверенностью могу утверждать, что речь идет не только об Израиле. Это проблема, с которой США и их союзники

сталкиваются на всем Ближнем Востоке (в широком смысле этого слова), регионе, в котором террористы регулярно нарушают правило различения гражданского и военного населения – самое важное правило вооруженного конфликта. Террористы хранят оружие в мечетях, доставляют пояса смертников в каретах скорой помощи, устанавливают снайперов на жилых домах, приносят артиллерию в школы, пользуются гражданским населением как живыми щитами.

Те, кто хочет бороться с терроризмом, в конце концов, имеют только два выбора: понести огромные потери и быть изгнанным с территории, позволив ИГИЛ издеваться над населением, или наносить удары по гражданским объектам, что сопровождается огромными жертвами. Ни один из этих вариантов не является приемлемым. Цель моей заметки заключалась в том, чтобы призвать читателя к размышлению над потенциальным решением этой трагической дилеммы – но Хаджар, к сожалению, не услышала моих призывов. ■

Корреспонденцию направляйте Амитаи Этциони на адрес <amitai.etzioni@gmail.com>

¹ Etzioni, A. and Telhami, S. "Mideast: Focus on the Possible." *The Christian Science Monitor*, June 17, 2002

² Etzioni, A. "Israel and Palestine: There's Still Room at the Inn." *The National Interest*, April 9, 2014 <http://nationalinterest.org/commentary/israel-palestine-theres-still-room-the-inn-10212>.

³ Etzioni, A. "Should Israel Consider Using Devastating Weapons Against Hezbollah Missiles?" *Haaretz*, February 15, 2016 <http://www.haaretz.com/opinion/.premium-1.703486>

> Остаться человеком в бесчеловечном мире: вспоминая Владимира Ядова

Дмитрий Шалин, Университет Невады, Лас-Вегас, США

Владимир Ядов в 2009 празднует свой 80-й юбилей.

В 1960 году Лаборатория конкретных социальных исследований в Ленинграде была очагом новомодной социологической науки, боровшейся за то, чтобы обеспечить себе нишу в идеологически непримиримой дисциплине, известной как «исторический материализм». Будущие социологи перед лицом советских чиновников представляли эмпирические исследования как инструменты научного изучения степени прогресса на пути к коммунизму, которые позволяют наблюдателям обнаружить и обнародовать тенденции в соответствии с предсказаниями марксистско-ленинской философии. Владимир Ядов был одним из самых ярких звезд этой дисциплины, стоя в авангарде возрождения российской социологии, последовательно разрушенной большевистской революцией и сталинскими чистками. Новаторское исследование Ядова и его коллег «Человек и его работа» и авторская монография «Методология и процедуры социологических исследований» вывели его на передовые позиции формирующегося научного поля.

В 1968 году я был студентом третьего курса Ленинградского государственного университета, когда мой наставник, Игорь Кон, привел меня в лабораторию Ядова. В течение следующих восьми лет я участвовал в научном семинаре, сначала как студент, а затем как аспирант и научный сотрудник. Такие семинары, в которых бурлили дискуссии, возникали в крупных городах по всей стране. Ими руководили соратники Юрия Левады, Игоря Кона, Георгия Щедровицкого и других пионеров социологических исследований; их либеральные взгляды, знакомство

с иностранной литературой и готовность открыть семинар для любых участников привлекали подающих надежды интеллектуалов и произвели неизгладимое впечатление на поколение молодых социологов.

Ядов выделялся среди своих коллег раскованными манерами и равнодушием к привилегиям ранга. Его готовность выйти за рамки официальных догматов поистине освежала; для него не имело никакого значения, разговаривал ли он со студентом третьего курса или с известным уважаемым ученым. Помню, как он объяснял мне ряд нюансов теории личности, а в это время его товарищи по офису терпеливо дожидались очереди, чтобы обратиться к светилу. Для него был важен вклад в общее дело, которое в то время включало в себя изучение ценностных ориентаций и отношения к труду советских рабочих и инженеров. Характер отношения к труду не всегда соответствовал теоретическим предположениям: рабочие проявляли мало энтузиазма по поводу партийных увещаний и призывов к самоотверженной работе во имя светлого будущего, но очень интересовались материальными выгодами своего труда. К концу шестидесятых годов дух эмпирической социологии начал действовать на нервы идеологам коммунистической партии, и после того как Советский Союз вторгся в Чехословакию в попытке задавить Пражскую весну, для советской социологии и ее либеральных устремлений наступили непростые времена. Ядов прилагал немало усилий, чтобы спасти свою команду и исследовательское подразделение, на тот момент являвшееся частью Академии наук, но, в конце кон-

цов, он был изгнан, а его группа распалась. Какими бы ни были трудности, Ядов всегда держался с достоинством, не соглашаясь ни отречься от своих коллег, несмотря на растущее давление, ни отказаться от своего гуманизма из-за негуманных условий¹.

В 1975 году я эмигрировал из России и обосновался в Соединенных Штатах. Мои контакты с Ядовым восстановились лишь после 1987 года, когда Михаил Горбачев начал кампанию реформ. Это были пьянящие дни для российских социологов, стремившихся во что бы то ни стало наверстать упущенное время². Вскоре Горбачев призвал к гласности и перестройке, и еще недавно опальных социологов стали приглашать в новые исследовательские организации, такие как Институт социологии и Национальный центр изучения общественного мнения. Ядов, который к тому времени переехал в Москву, быстро стал признанным лидером сообщества³, и коллеги избрали его на пост президента Российской социологической ассоциации и директора Института социологии Академии наук. В знак признания его вклада в социологию труда, Ядов был избран вице-президентом Международной социологической ассоциации.

Кодекс профессиональной этики, принятый в 1988 году учеными-реформистами, утверждал принцип свободы исследований и дебатов как жизненно важный для социальной науки. Призывая социологов развивать «терпимость и уважение» к противникам, демонстрировать «мужество убеждений», сторониться «идеологических ярлыков» и избегать обращения к «властям» в решении научных споров, он также призвал социологов задуматься о своем прошлом, положив начало периоду рефлексии и духовных поисков среди российских интеллектуалов⁴.

Во время последовавшей затем духовной перестройки некоторые утверждали, что всегда были тайными диссидентами, многие спешили поскорее отречься от советского прошлого, а кто-то у всех на виду выбрасывал партбилет. Но не Владимир Ядов! Хотя именно он пострадал от советской кампании против либеральной интеллигенции, он не присоединился к толпе. Ядов сохранил свой партийный билет и до конца жизни демонстрировал приверженность идеалам еврокоммунизма Пальмиро Тольятти и социальной демократии, которую он считал самой гуманной из политических и экономических систем. Он призывал своих коллег воспринимать проблемы общества как свои собственные, установив личный пример того, как применять знания для продвижения социальных реформ. «Мы не сможем выполнить свой долг как социологов, если ограничимся написанием книг. Мы должны сделать все возможное, чтобы повлиять на положение социальных планет», - пишет Ядов. «Борьба с коррупцией, создание независимых судов, создание прогрессивной системы налогообложения, и многое другое – вот что требуют и ситуация, и народ!»

История совершила очередной крутой поворот, когда к власти пришел Владимир Путин. Он не сразу раскрыл свою программу, но уже через несколько лет его первого срока на посту президента России стало ясно, что он не собирается заигрывать с гражданским обществом и его институтами. Социологи, комфортно обосновавшиеся в постсоветской рутине, обнаружили, что стало не безопасно критиковать правительство. Участники гражданского протеста, настаивавшие на реализации своих конституционных прав, столкнулись с репрессиями.

В 2010 году группа ультранационалистических интеллектуалов создала конкурирующую социологическую ассоциацию, бросив вызов организации, возглавляемой Ядовым и его коллегами⁵. После того, как Ядов не постеснялся одернуть Геннадия Осипова, ярого сторонника русского национализма и вдохновителя конкурирующей профессиональной ассоциации, он был вынужден защищаться в суде от обвинений в клевете на своих противников как про-фашистов. Под гнетом реакционной политики, возраста и болезни Ядов чувствовал себя все более и более изолированным.

В 2009 году, по случаю 80-летия Ядова, его студенты, друзья и сторонники выпустили сборник статей, демонстрирующий весомый вклад Ядова в российскую социологию. Володя, как его называли друзья, не потерял своего оптимизма в отношении долгосрочных перспектив страны. Он продолжил принимать участие в дебатах и проявлять большой интерес к научным исследованиям, как его собственным, так и принадлежащим его младшим коллегам. Но Ядов мрачнел, наблюдая за ограничением свобод в России и за разрастанием националистического направления в российской социологии.

Мои контакты с Ядовым активизировались в 2006 году, когда вместе Борисом Докторовым мы запустили онлайн-проект «Международная биографическая инициатива», документирующий возрождение социологии после Второй мировой войны. При содействии коллег мы собрали интервью с российскими социологами, провели интернет-опросы, а также содействовали применению биографического метода в социологии⁶. Ядов проявил живой интерес к этому проекту. Он писал мемуары, давал интервью, предоставлял редкие документы, имеющие отношение к формативным годам советской социологии, ее эволюции после отмены хрущевской оттепели и его трансформации в эпоху перестройки.

Владимир Ядов покинул нас 2 июля 2015 года. За несколько лет до его смерти мы начали интенсивный онлайн-диалог о судьбе российской социологии и ситуации в стране. Мы договорились высказываться без обиняков, обсуждая компромиссы, на которые были вынуждены пойти ученые, чтобы выжить в условиях советского режима, этические дилеммы, с которыми сталкиваются интеллектуалы, которые решили эмигрировать, моральную цену пребывания в стране, опустошаемой репрессиями, трансформацию советской социологии после горбачевской революции, ограничения свободы слова при Путине, уменьшение перспектив политической реформы и будущее публичной социологии в стране, где проведение оппозиционных исследований и высказывание правды властям в лицо может стоить интеллектуалам средств к существованию, свободы или даже жизни.

С пронзительной откровенностью Володя в наших разговорах вспоминает свое недоумение по поводу родственника, попавшего под репрессии 1937 года, беспокойство по поводу своих еврейских корней и желание скрыть свою этническую идентичность в стране, пронизанной антисемитизмом. Он признается, что некоторые компромиссы, на которые он пошел в прошлом, сегодня заставляют его стиснуть зубы: он поступил «как трус», не поехав в Москву, чтобы защищать Юрия Леваду; он «молчал» на некоторых партийных собраниях, на которых его коллеги подвергались публичным ритуальным унижениям.

Володя говорит о личных качествах, которые помогли ему собрать команду преданных ученых: «Я холерик по темпераменту», «экстраверт с взрывным характером», тот, кому «трудно хранить конфиденциальную информацию». Но именно эти качества, говорит он, «помогли наладить дружеские связи» и «собрать исследовательскую группу, где регалии значили мало, а первостепенное значение имел вклад в общее дело».

«Воистину, Иисус был ... первым социалистом!» - восклицает Ядов, когда его просят определить свое политическое кредо. «Я был и остаюсь сторонником социализма», - заявил он мне с гордостью. «Я убежден, что социальные механизмы являются справедливыми лишь тогда, когда демократически избранные представители стремятся ликвидировать вопиющий разрыв в доходах между социальными слоями».

Размышляя о коллегах, которые предпочли эмигрировать, Ядов говорит: «Я полностью понимал их. В то же время, я чувствовал, что они руководствовались совершенно иными мотивами». Он объясняет, как на заре перестройки, будучи директором Института социологии, он занимался отбором молодых ученых для программы обучения за рубежом, с тревогой ожидая, «кто вернется, а кто нет – Британский Совет поставил условие, что все должны вернуться».

Ядов яростно критикует своих коллег, превратившихся в ультрапатриотичных фанатиков и ратующих за восстановление советской империи. «В советское время Осипов, Добренков, Жуков принадлежали к номенклатуре, и они сохраняют этот статус сегодня. Прежде всего, они ценят знаки внимания царя [...] Ибо сколько я помню Осипова, он всегда был человеком, лишенным принципов. Он лгал людям в лицо, плел чудовищные интриги против соперников». Ядов делится откровенными наблюдениями о сервильных ученых и администраторах, пронесших свою беспринципность через все эпохи. Истории о злоупотреблениях и предательствах, рассказанные Ядовым в наших диалогах, когда-нибудь поразят социологов на родине – как и приговор, вынесенный им российскому политическому режиму и его людям.

Полная мера отчуждения Ядова от текущих дел очевидна в письме, которое он написал мне 25 июня 2011 года: «К Путину я не испытываю ничего, кроме отвращения. Жестокый и циничный человек, который жаждет власти и чувствует презрение к своему народу, он хочет лишь богатства и роскоши. Что он сказал, когда его спросили о либеральных политиках? Он сказал: «Все они хотят власти и денег!» Тем не менее, его личное состояние пополняется благодаря контролю над нефтепроводом. Нет сомнений в том, что этот человек может шантажировать каждого отдельного человека в своем окружении, в том числе [президента Дмитрия] Медведева. Можешь себе представить, сколько заслуженного презрения будет вылит на этого человека через 30 лет? «.

Со временем мои диалоги с Ядовым найдут свой путь в Россию и покажут, какую серьезную озабоченность испытывал Володя в последние годы о том, за что он ратовал всю свою жизнь⁷.

Неважно, решили вы остаться на обочине истории, вынуждены ли участвовать в ее битвах против своей воли или прошли добровольную вербовку, вы неизбежно столкнетесь с моральными дилеммами и материальными затратами⁸. На закате жизни Ядов считал себя «очень счастливым человеком», - подсказывает мой коллега Борис Докторов, он говорил, что прожил «необыкновенно счастливую жизнь». Причина этого, я думаю, заключается в том, что в каких-то битвах он решил участвовать, а каких-то боев посчитал нужным избегать. Владимир Ядов служит примером эмоционально разумного человека: он сумел сохранить свои эмоции интеллектуальными, а свой интеллект эмоционально здоровым. Он шел на компромиссы, временами совершал ошибки, он видел, как его мечты сбываются и вновь разбиваются, но он ни на минуту не отказывался от надежды, даже когда сопротивление казалось бесполезным.

Сегодня мы вспоминаем Владимира Ядова как достойного и мужественного человека. Мы вспоминаем жизнь публичного интеллектуала, который содействовал историческому прогрессу, изменил траекторию развития нескольких институтов, и оставил долгую память о себе. Мир становится лучше, потому что среди нас есть такие люди, как Ядов!

Корреспонденцию направляйте Дмитрию Шалину <shalin@unlv.nevada.edu> ■

¹ Cm. Shalin, D. (1978) "The Development of Soviet Sociology, 1956-1976." *Annual Review of Sociology* 4: 171-91; (1979) "Between the Ethos of Science and the Ethos of Ideology." *Sociological Focus* 12(4): 175-93; (1980) "Marxist Paradigm and Academic Freedom." *Social Research* 47: 361-82; Firsov, B. (2012) *History of Soviet Sociology, 1950s-1980s* (in Russian). St. Petersburg: European University of St. Petersburg.

² Shalin, D. (1990) "Sociology for the Glasnost Era: Institutional and Substantive Change in Recent Soviet Sociology." *Social Forces* 68(4): 1-21. Doktorov, B. (2014) *Contemporary Russian Sociology. Historical and Biographical Investigations* (in Russian). Moscow.

³ 2009. Виват, Ядов!. К его 80-летию. Москва. ИС РАН

⁴ Фирсов Б.М. 2003. (ред.) Разномыслие в СССР и России. 1945-2008. СПб. Изд-во ЕУСПб. Алексеев А. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. СПб. Изд-во «Норма». См. также Shalin, D. (1989) "Settling Old Accounts." *Christian Science Monitor*, December 29; и (1990) "Ethics of Survival." *Christian Science Monitor*, December 4; (1987) "Reforms in the USSR: Muckraking, Soviet Style." *Chicago Tribune*, February 16.

⁵ Yadov, V. (2011) "A Sordid Story" (in Russian). *Trotsky Bulletin*, December 6; Shalin, D. (2011) "Becoming a Public Intellectual: Advocacy, National Sociology, and Paradigm Pluralism," pp. 331-371 in D. Shalin, *Pragmatism and Democracy: Studies in History, Social Theory and Progressive Politics*. New Brunswick: Transaction Publishers.

⁶ *International Biography Initiative*. UNLV Center for Democratic Culture, <http://cdclv.unlv.edu/programs/bios.html>.

⁷ 2015. Из диалогов Владимира Ядова и Дмитрия Шалина. *Public Opinion Herald*, № 3-4, стр. 194-219, http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/vy_ds_dialogues.pdf.

⁸ Shalin, D. (1993) "Emotional Barriers to Democracy Are Daunting." *Los Angeles Times*, October 27; (2007) "Vladimir Putin: Instead of Communism, He Embraces KGB Capitalism." *Las Vegas Review Journal*, October 24.

> Становление китайского публичного социолога

Франсуа Лашпель, Университет Британской Колумбии, Канада¹

Шень Юань.

Сидя за офисным столом, Шень Юань чуть улыбался – кажется, ему было несколько любопытно быть объектом исследования канадского социолога. Ещё прежде чем я задал китайскому учёному первый вопрос, он поинтересовался: «Почему вы исследуете китайских интеллектуалов?» И сразу же перебил сам себя: «Вам не стоит меня изучать. Если вы хотите кого-нибудь из нас исследовать, возьмите Сунь Липина»². Указав на офис своего знаменитого коллеги, Шень продолжал: «Он самый выдающийся среди нас. Или можете провести исследование всего нашего коллектива, который уже десять лет работает вместе». Позже в ходе интервью Шень упомянул, что помимо него и Сунь Липина в группе состоят такие учёные, как Ли Цян и Гуо Юйхуа. Все они также являются основателями факультета социологии Университета Цинхуа в 2000 году. Шень Юань родился в 1954 г. в Пекине. Он принадлежит

«Откуда происходит общество – это очень важный вопрос. Так как вы [граждане западных стран] рождаетесь в стране, где есть общество, [сама концепция общества] принимается как данность. Для нас это совсем не так. Нам нужно начинать заново»

Интервью с Шень Юанем, 2012 г.,
Университет Цинхуа, Пекин.

к поколению, известному в Китае как «чжицин» – образованная молодёжь. Во время Культурной революции в Китае (1966–1976), Мао Цзэдун резко оборвал формальное образование примерно 17 млн китайских юношей и девушек, отправив их в сельскую местность на радикальное «переобразование». Там, наученные и трансформированные деревенскими народными массами, они должны были стать следующим поколением китайских революционеров. Как и многие другие молодые люди, Шень был вынужден на несколько лет покинуть дом. После смерти Мао в 1976 году и восстановления китайской системы образования за следующие два года лишь небольшая доля (2,3%) поколения, к которому принадлежит Шень, смогла продолжить образование в университете. Он был одним из привилегированных счастливицков.

В 1983 году Шень окончил Китайский народный университет и получил степень бакалавра философии. В 1986 году он защитил магистерскую диссертацию на тему «Вклад Ленина в диалектическую эпистемологию». Хотя Шень и считал себя непоколебимым марксистом, после семилетней погружённости в советско-марксистско-маоистскую философию его энтузиазм по поводу самой превозносимой в стране дисциплины стал угасать. Как объясняет сам учёный: «Тогда [в 1986 году] я почувствовал, что философия очень абстрактна. Философия того времени не могла решать [конкретные/социальные] проблемы».

И вот после окончания университета Шень переключился на социологию, которая всё ещё была проблемной дисциплиной – прошло лишь восемь лет с момента её реабилитации в 1978 году. Разумеется, эта затея была опасна, однако социология привлекала своей новизной. Неисследованная

область знаний предлагала возможность интеллектуальных изысканий за пределами святой троицы маоизма-марксизма-ленинизма. Что более важно: как главам государств, так и интеллектуалам-чжицинам вроде Шень Юаня социология представлялась лучшим средством исследовать и осмыслить особенности национальной китайской модернизацией.

Именно поэтому в 1988 г. Шень Юань устроился на полную ставку научным сотрудником в Институт социологии, располагавшийся в стенах Академии общественных наук КНР. Учёный проработал там до 1998 г. АОН КНР, основанная в 1977 году, является мощной государственной научно-исследовательской организацией. В ранний период правления Дэн Сяопина она быстро стала главным «мозговым трестом» ЦК Коммунистической Партии Китая (КПК) и Госсовета КНР. Именно отсюда самые могущественные органы КПК получали общественно-научные данные и знания, необходимые для формулирования политики (например, в отношении профсоюзов, частных предприятий, миграции и безработицы).

В 1990-х, после событий на площади Тяньаньмэнь, Шень продолжал работать в АОН КНР, однако его отношение к социологии и государству начало меняться, как это случилось у многих китайских интеллектуалов. Шень играл ведущую роль в нескольких крупных социологических исследовательских проектах Института социологии в эпоху реформ, однако его стали всё больше привлекать внеакадемические круги интеллектуалов. В начале 90-х он подружился с Гуо Юйхуа и Сунь Липином (считающимся самым выдающимся социологом своего поколения). Вместе они работали над проектом Суня об устной истории китайского коммунистического опыта. В 1997 г. 43-летний Шень защитил докторскую диссертацию о новой экономической социологии и рыночных реформах после 1978 г. В том же году он стал главным редактором журнала «Социологические исследования» («Шехуэй сюэ янцзю») – одного из основных социологических журналов в Материковом Китае. В бытность свою редактором Шен активно добивался не только улучшения качества журнальных статей, но и, по крайней мере, ограниченной автономии для своей дисциплины по отношению к КПК.

Позже, покинув АОН КНР в мае 2000 года, Шень Юань и ещё полдюжины социологов основали факультет социологии в Университете Цинхуа в Пекине. Исходная парадигма цинхуанской школы была основана на социологии китайской коммунистической цивилизации – концепции, разработанной Сунем, которую Клод Дюбар назвал «коперниканской революцией в китайской социологии». Менее чем за двадцать лет реабилитированная дисциплина превратилась из политического государственного агента – прирученной социалистической социологии – в науку, способную сформулировать рефлексивную и «независимую» исследовательскую парадигму на основе исследований опыта китайского народа в эпоху правления КПК и исследований власти в Китае после 1949 г.

В течение первых двух лет работы в Университете Цинхуа прежний государственно-ориентированный интерес Шеня к экономической социологии объединился с его марксистским интересом к социологии труда. В результате учёный провёл исследование того, насколько акторы способны к различным действиям в условиях рыночного роста и готовы противостоять рыночным силам. С 2002 по 2004 год Шень занимался проектом «Создание вечерней школы для трудовых мигрантов в посёлке Байгоу», целью которого

было взаимное исследование, обучение и помощь в организации группы трудовых мигрантов. Взяв за теоретическую основу идею социологической интервенции Алена Турена, Шень описал эту практику в статье «Сильная и слабая интервенция: два пути социологического вмешательства» (*Strong and Weak Intervention: Two Pathways for Sociological Intervention*)³, являющейся его важнейшим вкладом в данную область социологии. К этому моменту Шень уже оставил позади государственническую озабоченность рождением рынка, взамен почти полностью сосредоточившись как университетский преподаватель и активист на «производстве общества», а именно – общества, способного защитить себя как от государства, так и от рынка.

Именно в этот ранний период карьеры Шеня Майкл Буравой ввёл термин «публичная социология». Китайский учёный рассказал нам о том, какова была его реакция на известие о публичной социологии Буравого: «Уже наша работа, опубликованная в 1998-м, была ориентирована на принципы публичной социологии. Потом, когда у нас появилась возможность, мы пришли в Цинхуа и основали факультет социологии. С самого начала мы [наш факультет] придерживались традиции публичной социологии. [Хотя] в то время Майкл Буравой ещё не ввёл эту идею в обращение, а мы [уже] пришли к мысли, что социология должна осуществлять интервенцию в жизнь общества».

По мнению Шеня, он сам и его коллеги были публичными социологами до создания термина. Однако, с точки зрения китайского интеллектуала, термин «публичная социология» не просто достоверно зафиксировал то, что он делает в социологии: более того, теоретическая модель Буравого также обеспечила Шеня интеллектуальной самоидентификацией, идентичностью, верно определяющей его социологическое бытие.

Новая идентичность довольно сильно повлияла на интеллектуальную жизнь Шеня. Осознав свою позицию как публичного социолога, Шень стал искренне продвигать идею о том, что миссия социологии – участвовать в производстве общества или вмешиваться в этот процесс, чтобы «помочь противостоять давлению со стороны государства и рынка, с одной стороны, и содействовать развитию и росту общества, с другой стороны». Что касается академической сферы, практически во всех публикациях Шеня за последние десять лет прослеживается явное влияние Буравого и Турена. Упорство, с которым Шень занимается публичной социологией, выражено в заглавии одной из его работ, написанных совместно с другими исследователями, – «Единство рабочих и интеллектуалов: трансграничная социологическая интервенция в компании Foxconn» (*Worker-Intellectual Unity: Trans-Border Sociological Intervention in Foxconn*). Ещё важнее то, что в публичной сфере китайский учёный организует совместные проекты с трудовыми НГО, различными медиа- и интернет-платформами, нормотворческими органами и профсоюзными рабочими. Эти проекты воплощают в себе дух публичной социологии. ■

Корреспонденцию направляйте Франсуа Лашапелю на адрес <f.lachapelle@alumni.ubc.ca>

¹ Данное эссе – часть моей магистерской диссертации под заглавием «От безымянного марксиста к публичному социологу: интеллектуальная траектория Шень Юаня в современном Китае» (*From Nameless Marxist to Public Sociologist: The Intellectual Trajectory of Shen Yuan in Contemporary China*) (Университет Британской Колумбии, 2014).

² См. интервью с Сунь Липином в «Глобальном диалоге» № 2(4), май 2012.

³ Yuan, S. (2008) "Strong and Weak Intervention: Two Pathways for Sociological Intervention." *Current Sociology* 56 (3): 399-404.

> От локального к глобальному и обратно

Бригитте Ауленбахер, Университет Иоганна Кеплера, Линц, Австрия, Член ИК МСА по вопросам экономики и общества (ИК 02), бедности, социальному обеспечению (ИК 19), социологии работы (ИК 30), «Женщины и общество» (ИК 32), вице-председатель МОК Третьего социологического форума МСА в Вене в 2016 году; **Рудольф Рихтер**, Венский университет, Австрия, член и бывший президент ИК МСА по исследованию семьи (ИК 06), Председатель МОК Третьего социологического форума МСА; **Ида Сельеског**, Венский университет, МОК Третьего социологического форума МСА

| Внутренний двор Венского университета. Фото предоставлено Венским университетом.

Местный оргкомитет приглашает социологов всего мира на Третий социологический форум МСА в Вене

В следующем месяце мы, местный организационный комитет, приглашаем глобальное социологическое сообщество на Третий форум МСА в Вене. Приглашаем посетить наш [сайт](#). мы бы также хотели кратко обсудить, каким образом единство и различие локального и глобального будут представлены переплетутся на нашем Форуме.

> Продвижение локального: приоткрывая завесу австрийской повседневности и истории австрийской социологии

Мы считаем большой честью для себя тот факт, что Третий социологический форум МСА состоится в Венском университете: ведь имен-

но здесь сильна традиция социальной философии и социальных наук. В течение последних двух лет наш оргкомитет ведет подготовку к Форуму, ему помогают австрийские университеты и социологические институты в Инсбруке, Граце, Линце, Зальцбурге, Вене, а также наши коллеги из Венгрии.

Мы приглашаем вас «окупаться в локальное» вместе с нами, посещать встречи, участвовать в обсуждениях, вдохновляться интернациональной атмосферой Вены. Мы призываем гостей знакомиться друг с другом, с городом и страной и не только участвовать в официальной программе, но посетить ряд туристических и социологических туров и собраний.

Составьте нам компанию в винной таверне или на пешеходной экскурсии по городу. Среди наших туристических предложений – две экскурсии в Мариентальский музей в соседней деревне Граматнойзидль – туда, где было проведено новаторское исследование «Безработные из Мариенталя» или

>>

Фасад Венского университета.
Фото предоставлено Венским университетом.

«Мариенталь: социография безработной общины». В этом исследовании Мари Яхода, Пауль Лацарсфельд и Ганс Цайзель еще в 1930е годы продемонстрировали пагубное влияние безработицы на общественную жизнь и каждого человека, столкнувшегося с этим опытом. Результат исследования и комбинация методов стали вдохновением для множества последующих исследований и до сих пор выглядят впечатляюще¹.

Социологическое наследие Вены и Австрии может быть оценено лишь в более широком историческом и общественном контексте. С одной стороны, мы видим «Красную Вену» первых десятилетий прошлого века. Но с другой стороны, сотни австрийских социологов, в том числе вышеперечисленных, были вынуждены бежать из Австрии под натиском нацистов. Несколько постов с размышлениями на тему истории фашизма и его последствий для социологии можно прочитать [в блоге МСА](#).

> Навстречу глобальному: борьба за лучший мир

Тема форума «Глобальная социология и борьба за лучший мир» и задачи развития глобальной социологии заставляют нас анализировать проблемы глобального и локального с нашей локальной точки зрения.

Глубоко международный город, Вена расположена в центре Европы; сильное влияние соседних стран заметно в культуре, кухне, языке города. В городе находятся несколько международных организаций, в том числе представительство Евросоюза и ООН. Обе международные организации поддерживают Форум как площадку международного общения. Вместе с тем мы считаем, что тема Всемирного конгресса МСА в Йокогаме (2014) «Лицом к лицу с неравным миром» до сих пор не утратила своего значения. Мы приглашаем социологов со всего мира собраться в Вене и обсудить текущие проблемы, с которыми сталкиваются Австрия и Европа в вопросе

ответственности за равенство, свободу, справедливость, демократию и права человека. Война в Сирии, катастрофы и бедность во многих частях мира и стоящая за этим колониальная и постколониальная капиталистическая история вновь заставляют людей бежать и мигрировать.

Многие европейцы борются за лучший мир, участвуя в протестах и поддерживая инициативы против насилия и неравенства. Но другой подход, концептуализирующий Австрию и Европу как закрытое общество, характеризуется политикой исключения, стремлением обеспечить соблюдение границ и неравенств. Форум состоится в Вене в исторический момент, когда такие проблемы, как политическое убежище, вынужденная миграция и политика интеграции бросают вызов европейскому сообществу, а движения правого толка вновь растут, объединяясь в стремлении создать Европу, закрытую для «не-европейцев» – что пугающе напоминает недавнюю историю.

>>

Австрийская социология также сталкивается со всеми этими вызовами, а австрийские социологи прочно связаны со всем миром. Эти проблемы и связи будут отражены в наших пленарных заседаниях, на которых спикеры со всего мира обсудят такие темы как «Столкновение с множественными кризисами в Европе и за ее пределами», «Преодоление границ и поляризации между центрами и периферией» и «Социологическая мысль и борьба за лучший мир».

Наконец, МСА и местный оргкомитет приглашают местных и международных издателей представить свои книги в выставочном зале и организовать издательский уголок, где авторы книг, представляющих актуальный социологический и общественный

интерес, смогут обсудить свои работы. В выставочном зале также будет представлена информация об австрийских социологических институтах, исследовательских центрах и грантах.

> Встретимся на форуме МСА

В последнее десятилетие дискуссии, проводившиеся в рамках МСА, подчеркнули необходимость развития сензитивности в отношении взаимосвязи глобального и локального. И действительно, нередко проблемы и конфликты на местном уровне обусловлены глобальными тенденциями, такими как маркизация труда и природы, транснационализация работы и политики, а также далеко идущие изменения в

государственном управлении диктаторских и демократических режимов. На июльской встрече в Вене все эти вопросы будут включены в повестку дня, и - по примеру социологов всего мира - будут обсуждаться в своих глобальных и локальных проявлениях. Форум предлагает очередную возможность собраться вместе и продолжить этот глобальный диалог. Именно поэтому мы искренне рады приветствовать вас в Вене, в Австрии, Европе на третьем социологическом форуме МСА! ■

Корреспонденцию направляйте Бригитте Ауленбахер на адрес <Brigitte.Aulenbacher@jku.at> и Рудольфу Рихтеру на адрес <rudolf.richter@univie.ac.at>

¹ См. Рихтер Р.. "Австрийское наследие публичной социологии". ГД № 5(4), декабрь 2015. <http://isa-global-dialogue.net/the-austrian-legacy-of-public-sociology/>

> Неравенство, бедность и благополучие в Австрии

Корнелия Длабая, Венский университет, Австрия, **Юлия Хофманн**, Университет Иоганна Кеплера, Линц, Австрия, и **Альбан Кнехт**, Университет Иоганна Кеплера, Линц, Австрия

Австрия издавна славится высоким уровнем жизни. Валовой национальный продукт на душу населения составляет 51300 долларов США. По этому показателю Австрия в 2014 году заняла тринадцатое место в общемировом рейтинге (Всемирный банк, 2015), в то время как столица Австрии Вена в 2015 и в 2016 гг. оказывалась на вершине глобального рейтинга качества жизни благодаря давним традициям жилищно-коммунального хозяйства, позволившим городу достичь определенного уровня социальной стабильности. Тем не менее, это не означает, что каждый житель Вены и Австрии богат и обеспечен.

Более пристальный взгляд на общество раскрывает перед нами довольно сегментированную и поляризованную социальную структуру: в то время как около 12% австрийских граждан подвергаются риску бедности, среди транснациональных мигрантов доля подвергающихся такому риску достигает 33%. В то время как неравенство доходов носит менее выраженный характер, чем в некоторых странах ОЭСР, с 1990 года самые бедные слои австрийского общества утратили ряд позиций. В период с 1990 по 2011 год доля доходов беднейших 20% снизилась на 47%, в то время как доля доходов богатейшего 1% выросла на 16%. В целом, Австрия характеризуется высоким уровнем неравенства в распределении богатства и собственности, коэффициентом Джини для валовых финансовых активов составляет 0,75.

Чем объясняется такая жесткая сегментация в такой богатой стране? Система австрийского образования способствует жесткой межпоколенческой передаче социального статуса: вероятность поступления в университет детей выпускников высших учебных заведений в 2,5 раза выше, чем вероятность поступления тех, чьи родители не заканчивали университет. Более того, как и во многих обществах, уровень образования определяет уровень доходов: каждый дополнительный год образования увеличивает доход примерно на 5,4%. Мигранты занимают особенно невыгодное положение в системе образования (отчасти потому, что иностранные квалификации не признаются).

Наблюдаются также значительное гендерное неравенство. Несмотря на то, что молодые гражданки Австрии в настоящее время более образованны, чем мужчины, их почасо-

вая заработная плата до сих пор на 23,4% не дотягивает до дохода последних. Объем имущества, находящегося в женских руках, также сравнительно низок. В домохозяйствах одиноких женщин на 40% меньше частного капитала, чем у одиноких мужчин. Это гендерное неравенство связано с австрийской моделью социального обеспечения, которая может быть описана как «консервативная», укрепляющая традиционное гендерное разделение труда за счет опоры на денежные трансферты. Нехватка детских садов и традиционные формы организации семейной жизни взваливают на плечи женщин бремя по совмещению работы и семейной жизни.

“Всё плохое приходит в Австрию через несколько лет после того, как оно приходит в другие края”

Трудовая политика в ее нынешнем виде (постепенное углубление гибкости рынка труда, система пособий, вынуждающая бенефициаров браться за любую работу) лишь укрепляет существующее социальное неравенство: мигранты и женщины более подвержены риску занятости на низкооплачиваемых и нестабильных рабочих местах. Безработица, хоть и низкая, растет, и чаще всего затрагивает низкоквалифицированных работников и мигрантов.

Итак, внимательно анализируя благополучную Австрию, мы замечаем, что, несмотря на кажущуюся стабильность, социальная структура ее все более поляризуется и сегментируется по половому и этническому признаку, с тенденцией к медленному росту социального неравенства. Как гласит популярный афоризм, все плохое приходит в Австрию через несколько лет после того, как оно приходит в другие края. ■

Корреспонденцию направляйте Корнелии Длабая на адрес <cornelia.dlabaja@univie.ac.at>, Юлии Хофманн на адрес <julia.hofmann@jku.at> и Альбану Кнехту на адрес <alban.knecht@jku.at>

> Социальное неравенство, беженцы и “европейская мечта”

Рут Абрамовски, Беньямин Грёшль, Алан Шинк и Дезирэ Вильке, Зальцбургский университет имени Париса Лодрона, Зальцбург, Австрия

За риторикой о человеческом сострадании стоит суровая реальность, полная запретов, заборов и лагерей для беженцев. Иллюстрация Арбу.

Потоки беженцев – отчетливо видимый социальный феномен в Европе, иногда называемый чуть ли не новым «великим переселением народов» (Völkerwanderung) в немецкоязычных СМИ. В абсолютных цифрах Германия получает самое большое число заявлений на политическое убежище, но относительно ее населения, Германия занимает пятое место в Европе (по данным Евростата). Больше всего заявлений на душу населения получает Венгрия, на втором месте Швеция, на третьем – Австрия, а на четвертом – Финляндия.

>>

Австрия в буквальном смысле оказывается в самом водовороте событий. Пограничный регион между Австрией и Германией, особенно путь между Зальцбургом и Фрайлассингом, превратился в узкий проход для беженцев, прибывших в Центральную Европу, что приводит к росту напряженности в австрийском обществе. С одной стороны, несмотря на жалобы на европейский мигрантский кризис и требования усиления пограничного контроля, многие до сих пор считают транснациональную мобильность частью Европейской мечты, которую им хочется сохранить. С другой стороны, страхи и жалобы по поводу мигрантов основываются на предрассудках и предположении, что беженцы и мигранты скорее заинтересованы в получении европейских бонусов, чем страдают от отчаяния и войны.

По данным УВКБ ООН в 2015 году из своих домов во всем мире бежали 60 миллионов человек. Большинство мигрантов вынуждены покидать свое страны из-за войн, нищеты и голода, вызванных экономическим и социальным неравенством, усугубляемым постколониальной политикой. Но не более трех процентов мигрантов направляются в Европу, большинство из них остается в соседних странах.

В 2015 году «лишь» 50 000 человек подали заявки на получение статуса беженца в Австрии (данные УВКБ ООН в Австрии, сентябрь 2015 г.) – то есть 332 человека на 100 тысяч жителей. Из них 11 000 получили искомый статус и начали получать базовые материальные пособия (827 евро в месяц). Пока беженцы ждут решения по поводу своих заявлений, что занимает в среднем от трех месяцев до полугода, они живут в специальных квартирах или лагерях, получают трехразовое питание (хотя частенько оно не включает в себя даже одного горячего блюда в день), имеют доступ к одной кровати в общежитии. Помимо этого, они получают пособие в размере 1,3

евро в день. Если они живут не в лагерях, а самостоятельно, то получают 120 евро в месяц для оплаты съемного жилья (240 евро в месяц, если речь идет о семье) и 200 евро на питание (90 евро при наличии ребенка). Что немаловажно, им запрещается работать и получать зарплату во время ожидания решения (Art. 15a B-VG, BKA-Austria).

Мы побеседовали с тридцатью беженцами в центрах приема и транзита. У большинства из них есть мечты о будущем. Они хотят стать частью нашего общества, получить работу, работать на благо своих семей, может быть, однажды купить квартиру или дом – и просто жить без экзистенциального страха.

Учитывая старение населения и низкий уровень рождаемости почти во всех богатых странах Европы, беженцев можно рассматривать как источник новой надежды для стареющего общества: они молоды, имеют более высокий коэффициент рождаемости, чем население Европы, многие из них являются высококвалифицированными рабочими и профессионалами (UN World Population Prospects: The 2015 Revision). В долгосрочной перспективе они помогли бы сохранить нашу национальную пенсионную и социальную систему, в краткосрочной – укрепить внутреннюю экономику Европы – особенно если они получают возможность работать, зарабатывать деньги, и платить налоги.

И потому с более прагматической точки зрения мы можем спросить: Почему вместо переговоров об интеграции беженцев мы вступаем в дебаты о необходимости их депортации? ■

Корреспонденцию направляйте Рут Абрамовски на адрес <ruth.abramowski@sbg.ac.at>, Бенъямину Грешлю на адрес <benjamin.groeschl@sbg.ac.at>, Алану Шинку на адрес <alan.schink@sbg.ac.at>, Дезирэ Вильке на адрес <desiree.wilke@sbg.ac.at>

> Гендерное равенство и австрийский университет

Кристина Биннер, Университет Иоганна Кеплера в Линце, Австрия, член ИК МСА по вопросам бедности, социального благополучия и социальной политики (RC19) и ИК МСА по вопросам женщин в обществе (RC32), **Зузанне Кинк**, Университет имени Карла и Франца, Грац, Австрия

Статистика показывает, что в течение длительного времени женщины и мужчины неравно представлены в университетах Австрии. В то время как среди студентов доля мужчин и женщин примерно одинаковая (57% женщин, 43% мужчин), среди научных сотрудников гендерный баланс не наблюдается. В 2013 году среди университетских профессоров было лишь 22% женщин. Недавно австрийские власти провели реформу университетской системы страны. Сможет ли эта реформа решить проблему гендерного неравенства?

> Предпринимательско-управленческий подход в университетах Австрии

С момента введения «Университетского закона» в 2002 году для реорганизации отношений между университетом и государством используются методы «новой модели управления». Теперь университет должен функционировать как компания, опираясь на предпринимательскую деятельность и менеджмент. Государство отходит от своей прежней роли управления процессом в деталях, и университеты вынуждены конкурировать между собой за финансовые и символические ресурсы. Проректоры получили больше полномочий в принятии решений. В то же время выросла значимость внешних заинтересованных сторон, таких как экспертные комиссии и университетские советы.

Подобные перемены нацелены на создание университетов с сильным руководством и узкой специализацией. Однако способствуют ли реформы усилению политики гендерного равенства и поддержки баланса семейных и трудовых обязанностей?

“недавние реформы способны создать больше возможностей для социального равенства”

> Гендерное равенство?

Согласно Университетскому закону 2002 года, австрийские университеты как «автономные организации» обязаны ввести меры по гендерному мейнстримингу. Это включает создание координационных центров, обеспечение равных возможностей для мужчин и женщин, организацию рабочих групп и арбитражных комиссий по вопросам равных возможностей, а также установление квоты в 40% на присутствие женщин во всех коллегиальных органах.

Не совсем ясно, как меры по обеспечению гендерного равенства будут применяться при новой модели университетского бюджета. Несмотря на то, что каждый университет самостоятельно несет ответственность за реализацию новой политики гендерного равенства, выделяемые на этот вопрос финансовые ресурсы и степень поддержки руководства различаются от университета к университету. В целом, однако, реорганизация университетов и новые инструменты гендерного мейнстриминга, кажется, способны расширить возможности гендерного равенства, особенно в области естественных наук.

> Поддержка семьи?

Достоверно известно, что потребности семьи представляют собой важный

барьер для женщин-учёных. Поэтому австрийские университеты производят внедрение таких инструментов стратегического управления, как аудит «Университет и семья» (University and Family Audit) при поддержке государства. Предоставление качественных услуг по уходу за ребёнком становится конкурентным преимуществом, которое университеты демонстрируют как своё отличительное свойство, делающее их привлекательными местами обучения и работы. Однако в то же время продолжают существовать консервативные представления о родительстве. Администрация университета склонна уделять наибольшее внимание вопросам ухода за ребёнком, главным образом обращаясь к женщинам-матерям и воспроизводя образ гетеросексуальной семьи.

Недавние реформы австрийских университетов отражают тенденции финансовой экономии, ориентацию на политику гендерного равенства и поддержки семьи. Сложное взаимодействие между этими направлениями развития способно дать больше возможностей для социального равенства. Реформы могут некоторым образом повлиять на ситуацию на организационном уровне, однако важно учесть, что академическая культура и ее нормы основаны на гендерных допущениях. Так, к примеру, распространено убеждение, что для учёных важнее всего на свете наука. В идее о том, что учёный постоянно должен быть в зоне доступа, проявлять гибкость и быть сосредоточенным исключительно на исследовательской работе, отражаются мужские нормы рабочего времени. Женщинам, потенциально обеспечивающим заботу и уход, часто труднее придерживаться этих норм, чем их коллегам-мужчинам. ■

Корреспонденцию направляйте Кристине Биннер на адрес <Kristina.Binner@jku.at> и Зузанне Кинк на адрес <susanne.kink@uni-graz.at>

> Рабочее время и борьба за лучшую жизнь

Карина Альтрайтер, Франц Астляйтнер, Тереза Фибих, Венский университет, Австрия

Б по поводу продолжительности и организации рабочего времени исторически связана с борьбой рабочих против капиталистической эксплуатации. Ведение восьмичасового рабочего дня было требованием рабочего движения, и до начала 1980х годов западные индустриальные государства постепенно снижали продолжительность рабочего дня и рабочей недели.

С тех пор нигде, кроме Франции, не произошло заметного прогресса в этом вопросе, несмотря на значительное увеличение производительности труда. Однако последний мировой экономический кризис вернул на повестку дня вопрос о неравноценном распределении работы. Обращаясь к данным Евростата, мы обсудим последние изменения в вопросе рабочего времени в Евросоюзе, а также их взаимосвязь с борьбой против социального неравенства.

> Неравенство распределения рабочего времени

С одной стороны, у некоторых граждан ЕС рабочий день по продолжительности превышает стандартный. Так, например, 32% занятых работают дольше десяти часов в день чаще одного раза в месяц (по данным 2010 г.). Другие занятые работают на неполную ставку (20% в 2014 г.) или вообще не работают (9,5% безработных по данным на август 2015 г.). Интенсификация работы, физический и психический износ и болезни от переработок с одной стороны, фрустрация и обесценивание с другой стороны – это лишь некоторые последствия

поляризации рабочего времени, ставящей под угрозу основы нашего общества.

С другой стороны, мужчины и женщины продолжают испытывать на себе последствия неравного распределения рабочего времени. Во-первых, занятость в течение полного рабочего дня и переработки до сих пор более свойственны мужчинам, в то время как все больше женщин работают неполный рабочий день. Хотя доля мужчин, работающих в режиме неполной занятости увеличилась и достигла 8,8% в большинстве стран Евросоюза к 2014 году, средний уровень неполной занятости женщин практически в три раза выше (32,5%). Во-вторых, ежедневно женщины почти на два часа дольше, чем мужчины, занимаются неоплачиваемым трудом (т.е. работой по дому и заботой о детях). Такие тенденции влекут за собой множество отрицательных последствий для женщин, в том числе снижение их карьерных перспектив, уменьшение пенсионных накоплений, и в результате – повышение риска бедности в пожилом возрасте.

> Помогает ли сокращение рабочего времени понизить уровень социального неравенства?

Изменение стандартной продолжительности рабочего дня могло бы удовлетворить потребности многих сотрудников. Исследования показывают, что более 30% занятых в Европе предпочли бы работать меньше, в то время как многие опрошенные с неполной занятостью (10 миллионов работников в 2014 году) предпочли бы работать больше. Сокращение

стандартных рабочих часов для всех работников позволило бы сократить разрыв в положении занятых, работающих полный и неполный рабочий день и способствовало бы более справедливому распределению оплачиваемого и неоплачиваемого труда между мужчинами и женщинами. Кроме того, сокращение рабочей недели могло бы уменьшить число работников с неполной занятостью и тем самым способствовать росту влияния рабочих в трудовых контактах и, возможно, справиться с ростом неравенства доходов.

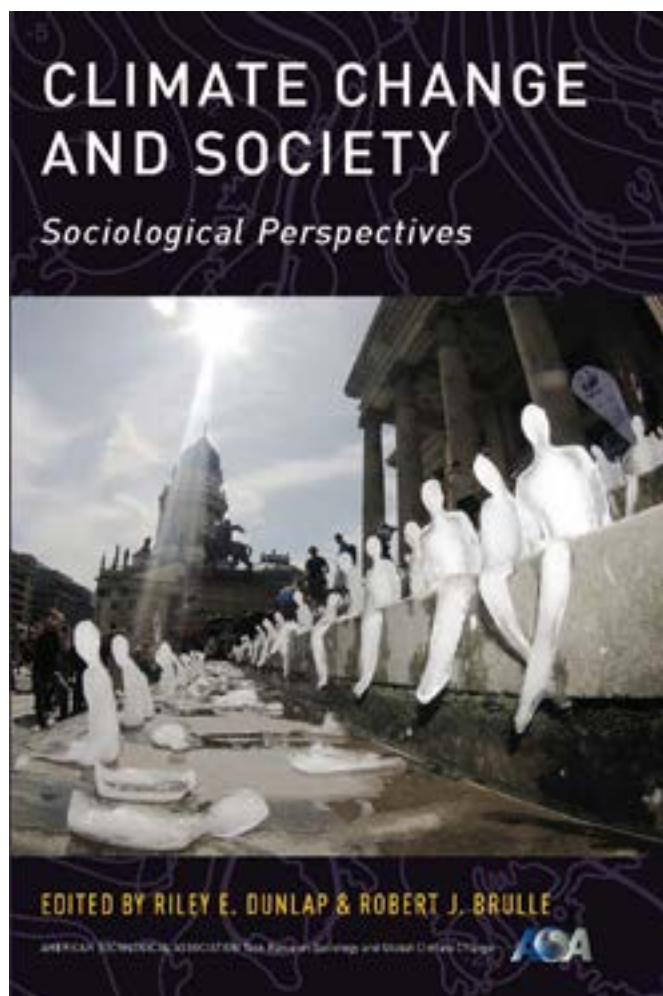
“ Мужчины и женщины продолжают испытывать на себе неравенство распределения рабочего времени ”

Тем не менее, сокращение оплачиваемого рабочего времени не может автоматически привести к положительным последствиям в виде перераспределения доходов. Чтобы сокращение рабочего времени внесло свою лепту в освободительный проект, политика в дополнение к программам по перераспределению неоплачиваемой работы должна предусмотреть такие вызовы, как интенсификация работы и дерегуляция индустриальных отношений. ■

Корреспонденцию направляйте Карине Альтрайтер на адрес <carina.altreiter@univie.ac.at>, Францу Астляйтнеру на адрес <franz.astleithner@univie.ac.at> и Терезе Фибих на адрес <theresa.fibich@univie.ac.at>

> Социология и изменения климата

Райли Данлэп, Университет штата Оклахома, США, бывший президент ИК по вопросам экологии и общества (ИК 24), **Роберт Брюль**, Дрексельский университет, США

Райли Данлэп и **Роберт Брюль** – известные экологические социологи, возглавлявшие Специальную комиссию Американской социологической ассоциации по социологии и глобальным климатическим изменениям, отчет о работе которой недавно был опубликован в виде книги «Климатические изменения и общество: социологические перспективы» [Dunlap and Brulle (eds) *Climate Change and Society: Sociological Perspectives* (N.Y. and Oxford: Oxford University Press, 2015)]. В своем новаторском исследовании авторы демонстрируют, каким образом национальные социологические ассоциации могли бы поддерживать совместные исследования, посвященные неотложным социальным и политическим проблемам.

Антропогенные климатические изменения являются важнейшими проблемами современности и в долгосрочной перспективе представляют собой источник экзистенциальной опасности для человечества. Ученые-естественники играют ведущую роль в документировании процесса глобального потепления, так как о существовании «парникового эффекта» стало известно уже более века назад. К 1990м гг. наука о климате превратилась в устоявшееся направление исследований, предоставляющее все более убедительные доказательства того, что глобальное потепление в значительной степени является результатом человеческой деятельности (особенно углеродных выбросов), которая порождает значительные проблемы для естественных и социальных систем. Эти тенденции регулярно документируются Межправительственной группой экспертов по изменению климата (МГЭИК).

В условиях трагически несоразмерной общественной реакции на проблему глобального потепления, особенно в плане снижения выбросов углерода, ученые-естественники признали, что климатические изменения – это «проблема людей»: она вызвана человеческим поведением, представляет реальную опасность человечеству, а устранение ее требует коллективных действий многих людей. Следовательно, МГЭИК, Национальный исследовательский совет США и другие крупные исследовательские организации, такие как Международный совет социальных наук и его Международная программа человеческих аспектов глобальных экологических изменений (за которой последовал проект «Будущее Земли») призывают к большей вовлеченности социальных наук в исследования климатических изменений.

Эти призывы обычно приглашают представителей социальных наук внести вклад в мультидисциплинарную исследовательскую повестку, разрабатываемую в первую очередь естественниками и крупными спонсорами (к таким относится, например, Бельмонт форум.) При этом практически не проводятся консультации с представителями конкретных социальных дисциплин. Социальных ученых призывают присоединиться к текущим исследовательским программам «комплексного исследования человеческих и природных систем», посвященным изучению проблем, сформулированных учеными-естественниками. Хотя эти работы, несомненно, представляют собой научную ценность, они обычно не принимают во внимание масштабные социально-политические конфликты, порожденные неравенством в использовании ресурсов природных систем

>>

и последствиями деградации этих систем, и совсем редко придерживаются критической политико-экономической точки зрения.

Эти призывы подразумевают, что социальные ученые могут содействовать «просвещению общества» в вопросах глобального потепления, росту осознания его рисков, что в свою очередь приведет к изменениям в политике. Без социологической перспективы понять происходящее невозможно. Многие ошибочно полагают, что первичными агентами производства углеродных выбросов являются индивиды, не замечая, до какой степени индивидуальные действия встроены в социальную структуру, и, вследствие этого не понимают, что попытки снизить углеродные выбросы серьезно ограничены социальной, экономической и политической динамикой.

В более широком смысле, существующие попытки инкорпорировать социальную науку в исследования климатических изменений обычно исходят из «пост-политического» взгляда на проблемы, поскольку в отчетах и программах действий климатические изменения деполитизируются. МГЭИК, например, считает климатические изменения в первую очередь физическим явлением, то есть проблемой, которую можно решить на основе научных знаний, технологических находок и организационных навыков, даже в отсутствие фундаментальных изменений социально-экономического порядка. Таким образом, предполагается, что проблему можно будет решить без серьезной политической борьбы.

В данном контексте Американская социологическая ассоциация организовала Специальную комиссию по социологии и глобальным климатическим изменениям, в задачи которой входит продемонстрировать ценность социологического анализа климатических изменений. Руководство комиссии решило, что нам следует сделать нечто большее, чем просто написать отчет для АСА, и продемонстрировать значимость социологического взгляда на изменения климата не только коллегам-социологам, но и значительно более широкой аудитории. Наша коллективная монография «Меняющийся климат и общество: социологические перспективы» опубликована в августе 2015 г. в Оксфорде как официальное издание Американской социологической ассоциации.

«Климатические изменения и общество» представляет собой аналитический обзор социальных исследований, посвященных ключевым аспектам климатических изменений. Тринадцать глав, написанных 37 авторами, описывают движущие силы климатических изменений (особое внимание уделено рыночным структурам и потре-

нию); основные последствия климатических изменений и попытки справиться с социальной несправедливостью, порожденной этим феноменом; и социальные процессы, определяющие реакцию на эти изменения: мобилизацию гражданского общества, реакцию общественного мнения и организованное отрицание проблемы. В заключительных главах представлены теоретические подходы и методологические инновации.

Наша книга отвечает потребности повышения роли социальных наук в решении вопроса климатических изменений, и показывает уникальную ценность социологического анализа. Поскольку первичные движущие силы глобального изменения климата укоренены в социальной структуре, институтах, культурных ценностях, идеологиях и социальных практиках, попытки адаптироваться к глобальному потеплению требуют социологического анализа этих социальных процессов на разных уровнях, от глобального до локального. Вторичная цель нашей публикации – стимулировать дальнейшие социологические исследования этой тематики. Социология может помочь осмыслить изменения климата, не только принимая участие в существующих программах, но и ставя новые исследовательские вопросы, основанные на социологическом видении проблемы.

Роль социологии также может заключаться в социальной критике. Существующий анализ климатических изменений часто ограничивается практически гегемонными представлениями. Например, в нашу неолиберальную эпоху часто предполагается, что лишь рыночная политика предоставляет адекватные опции снижения углеродных выбросов. Такого рода убеждения ограничивают круг потенциальных действий. Социология смогла бы помочь выйти за пределы плоского пост-политического взгляда на проблему и критически оценить расхожие представления, вокруг которых строятся текущие политические дебаты.

Публичная социология климатических изменений предполагает изучение барьеров (или невозможности) значительного снижения углеродных выбросов при сохранении традиционных паттернов экономического роста. Социологические изыскания помогли бы расширить круг тем, затрагиваемых в публичных дебатах о климатической политике. Создание интеллектуального пространства для критики климатических изменений должно внести важнейший вклад в нашу дисциплину, и мы надеемся, что социологи во всем мире присоединятся к деятельности Американской социологической ассоциации в этом направлении. ■

Корреспонденцию направляйте Райли Данлэп на адрес <rdunlap@okstate.edu> и Роберту Брюллю на адрес <brullerj@drexel.edu>

> Свобода и насилие в Индии

Вице-президент Индийского национального конгресса Рахуль Ганди и студенты Хайдерабадского университета во время протеста, посвящённого смерти Рохита Вемулы в Хайдерабаде в январе 2016 г.

Ниже мы публикуем заявление ИК МСА и Обращение индийских социологов, направленное Президенту Индии 6 марта 2016 года. Эти документы были написаны в знак протеста против актов насилия и ограничений академической свободы в индийских кампусах, которые произошли в начале года. Вызванные вполне конкретными событиями, эти письма являются исторически значимыми: они выражают глубокую озабоченность социологов вопросами свободы самовыражения в университете и за его пределами.

Мы считаем, что в Конституции Индии прописана плюралистическая рамка, не позволяющая определять Индию в религиозных терминах.

В атмосфере антиинтеллектуализма и мажоритарных атак на личные и коллективные попытки просвещенных дебатов и социальной критики как в вузах, так и за их пределами, наша ответственность как членов профессиональной ассоциации особенно велика. Как социологи, мы убеждены в том, что если мы не пресечем обвинения интеллектуалов в клевете, цель которых ограничить свободу самовыражения, мы проявим, по меткому выражению Амартии Сена, толерантность к нетолерантности.

Мы поддерживаем петицию, адресованную президенту страны, под которой подписались более двухсот социологов Индии, выражая солидарность с социологами профессорами Вивеком Кумарой и Раджешем Мишру, ставшими объектами оскорбительных действий со стороны студентов, входящих в студенческое крыло правящей партии Бхаратия Джаната.

Университеты призваны создавать пространство для свободных и просвещенных дискуссий и взаимного обучения. Растущая напряженность в университетских кампусах и тающее пространство для открытых и свободных дебатов, особенно нетерпимость к несогласию с движением Хиндутва (индуистский национализм), – вопрос,

>>>

> Заявление Международной социологической ассоциации

Мы, члены Исполкома Международной социологической ассоциации, выражаем солидарность со студентами, преподавателями, писателями, художниками и активистами Индии, борющимися за права на самовыражение, жизнь и свободу в контексте нарастающей массовой агрессии против любой оппозиции насилию и дискриминации со стороны правых фундаменталистов. Мы в особенности озабочены массовыми нападениями на меньшинства и ограничением свободы в выборе пищевых предпочтений (свободы питания – ЕЗ) (неправиль-

но сформулированным как «запрет на говядину») в Индии. Превращение большого числа электронных медиа в машины пропаганды мажоритарного национализма и систематические агрессивные нападки на интеллектуалов, студентов и правозащитников в вызывающе оскорбительных репортажах и профилях, являются беспрецедентными и особо тревожными обстоятельствами. В этой связи мы выражаем особую озабоченность положением студентов, принадлежащих к уязвимым социальным группам – особенно далитам (касты «неприкасаемых»).

серьезно волнующий международное сообщество социологов, приверженных базовым гражданским свободам и, прежде всего, свободе слова.

Самоубийство Рохита Вемулы, аспиранта Школы социальных наук Университета Хайдарабада в январе 2016 года является свидетельством того, насколько глубоко укоренилась систематическая дискриминация, и какие трагические последствия она приносит. Самоубийство Рохита стало девятым случаем суицида среди аспирантов, принадлежащих к социальной группе далитов в этом университете. Оно последовало после того, как этот студент подвергся коллективному бойкоту на кампусе и был изгнан вместе с четырьмя другими далитами из студенческого общежития. В течение последних лет в университетах Индии активизируются те, кто недоволен ростом присутствия на кампусах представителей уязвимых социальных групп. Однако смерть Рохита Вемулы вызвала поис-

тине беспрецедентную волну протеста по всей стране и за границей, в основном среди студентов, особенно студентов-далитов, на плечи которых ложится непропорционально тяжелое бремя самых изобретательных форм дискриминации в образовательной системе.

Мы поддерживаем борьбу с дискриминацией и мажоритаризмом, которую ведут преподаватели и студенты нескольких малых колледжей и университетов Индии, развивая антикастовую философию в академических институтах и за их пределами даже в условиях опасности преследования со стороны правых националистов. Опыт известного тамильского писателя Перумала Муругана, университетского преподавателя, который был вынужден уехать из своего города и переехать в столицу – лишь один из многих примеров давления правых. Мы также отмечаем вклад молодых исследователей, таких как Рохит Вемула и его коллеги, в глубокую кри-

тику идеологии и политики Хиндутва и их последствий. Своими интеллектуальными действиями они создают новые традиции академического протеста, опирающиеся на широкий спектр форм сопротивления на субконтиненте.

Мы выражаем поддержку студентам и преподавателям Университета Джавахарлала Неру и высоко оцениваем их попытки сохранить публичные дебаты по сложным проблемам национализма в формате открытых лекций. Мы подчеркиваем, что протесты студентов и преподавателей, вызванные такими событиями, как самоубийство Рохита Вемулы, вызывают общественную поддержку. Мы видим, как в ходе академических протестов возникает новая трансформационная социологии, стремящаяся выйти за пределы узких дисциплинарных границ и преодолеть практики социального исключения в университетах, таким образом, наводя мосты между академией и миром за ее пределами.

> Открытое письмо индийских социологов президенту Индии

4 марта 2016

Президенту Индии Шри Пранабу Мукерджи
Растропати Нивас, Нью-Дели

Уважаемый Шри Пранаб Мукерджи,

Мы, нижеподписавшиеся социологи, в том числе работающие и вышедшие на пенсию преподаватели и исследователи из университетов и институтов Индии выражаем глубокую озабоченность происходящими в стране событиями и чувствуем острую необходимость сделать следующее публичное заявление.

Конституция Индии гарантирует всем гражданам право на свободу убеждений и мирное выражение этих убеждений. Мы решительно подчеркиваем автономию университета и Академии как жизненно важных пространств для реализации этого права. Поэтому мы глубоко обеспокоены усилением агрессии в адрес студентов, преподавателей и сотрудников различных университетов со стороны организаций, которые, как представляется, имеют поддержку со стороны властей и полиции. Студенты и преподаватели подвергаются насилию, нападениям и угрозам за свои убеждения, в то время как правые националисты, по всей видимости, пользуются правовым иммунитетом.

В частности, мы выражаем поддержку нашим коллегам, профессорам Вивеку Кумаре (УДН) и Раджешу Мишру (Университет Лакхнау). Публичная лекция профессора Кумара, приглашенного докладчика на конференции в Гвалиорском университете 21 февраля 2016, была насильственно сорвана представителями правящей партии. Профессор Мишру также стал объектом угроз со стороны ее представителей только за то, что он разместил на своей странице в Facebook 23 февраля газетную публикацию, посвященную этому инциденту. Вместо поиска виновников срыва доклада университетская администрация потребовала от профессора Мишру дать объяснения по поводу публикации.

Мы глубоко убеждены в том, что ученые должны обладать свободой говорить, писать и размышлять о социальных проблемах, и их голос не должен сдерживаться намордником. Сдерживание академической свободы противоречит национальным интересам, подрывая нашу коллективную способность анализировать и понимать наше разнообразное общество. Мы также подтверждаем нашу приверженность сильным академическим традициям, которые содействовали развитию множества критических научных перспектив, которые обогатили народные движения и общественный дискурс в независимой Индии. ■

> Исследовательское письмо: логика и практика

Рейвин Коннелл, Сиднейский университет, Австралия, член ИК МСА «Женщины и общество» (RC32) и ИК концептуального и терминологического анализа (RC35)

Св. Матфей пишет Евангелие, его вдохновляет ангел.

тельно, много текстов пишется людьми, сидящими в одиночку с ручкой или перед компьютером и бьющимися над своими идеями. Кроме того, всё больше научных текстов публикуется при содействии конкурентных коммерческих отраслей.

Однако оба мифа искажают реальность исследовательского письма опасным образом. В обоих случаях личному гению и успеху приписывается то, что достигается в результате социального по своей сути процесса. Оба мифа игнорируют тот основополагающий факт, что исследовательское письмо представляет собой форму коммуникации. Оба мифа оставляют без внимания то, что научно-исследовательское письмо в любой дисциплине является частью коллективного процесса производства и распространения знаний.

Академическое письмо важно как для социологии, так и для других дисциплин именно потому, что оно является ключевым моментом коллективного процесса. Многие особенности научно-исследовательского письма, которые молодым исследователям кажутся необязательными, обретают смысл лишь при рассмотрении социального измерения производства знаний.

Лишь задумавшись о социальных институтах и структурах, вовлечённых в политику письма, можно понять, что она собой представляет. Прямое отношение к ней имеют рейтинги и коммерциализация журналов, проблема прекарного труда интеллектуальных работников, глобальные иерархии признания, престижа и ресурсов, использование интернета и связанные с этим риски, а также задача демократизации процесса производства и циркуляции знаний.

> Подходы к пониманию исследовательского письма

Ключ понимания заключается в том, чтобы признать исследовательское письмо формой общественного труда. Это работа – и мы можем это продемонстрировать, даже на примере самых выдающихся литературных текстов. Когда мы размышляем о письме, полезно применить идеи индустриальной социологии. Кроме всего прочего, это побуждает нас задуматься, какие же трудовые ресурсы задействованы в этой работе: их состав, заработная плата, условия труда, технологии и другие ресурсы, контроль за работой и уровень автономии.

> Мифы и реальность

Наше понятие об академическом письме искажают два больших мифа: один новый, один старый. Старый миф заставляет нас рассматривать письмо с точки зрения чистого гения и вдохновения. Кто-то, наделённый даром свыше, сидит погожим утром с ручкой в руке, а призрачная Муза нашептывает ему или ей на ухо, и вот рождается гениальный текст. И никому не понятно, как. У нас перехватывает дух от восхищения, и мы можем только надеяться, что Муза снова посетит нас и будет нашептывать на ухо.

Новый миф менее поэтичен. Он появился в головах неолиберальных управленцев и демонстрирует их одержимость конкуренцией. Согласно этому мифу, академическое письмо – не более чем рыночный товар, производимый целеустремлёнными индивидами для продажи в процессе конкурентной борьбы за достижения. Лучшую выгоду с точки зрения престижа и продвижения даёт ориентация на высоко цитируемые научные журналы.

Оба мифа достаточно отражают реальность, чтобы казаться правдоподобными – время от времени. Действи-

Разумеется, письмо является особенной формой труда. Это исключительно коммуникативная работа, так что полезно применить также идеи социологии коммуникации. Помимо прочего, это заставляет нас задуматься об аудитории, прежде чем мы начнём писать любой текст, подумать о том, как достучаться до аудитории и как текст повлияет на читателей. Для исследователя очень важно знать, для кого он или она пишет, так как это знание участвует в формировании самого текста.

Научно-исследовательский текст представляет собой особую форму коммуникации, и об этом тоже нужно сказать отдельно. Это часть коллективного процесса производства знаний, так что полезно использовать идеи социологии интеллектуалов и социологии знания (в постколониальную эпоху эта сфера социологии переживает процесс трансформации). Важны отношения автора с работниками его области, бывшими и будущими, так же значимы эпистемы и научные рамки, в которых проводится работа.

Приняв всё это во внимание, мы можем посмотреть на исследовательское письмо не как на великую тайну, но как на понятный трудовой процесс. Различные жанры внутри этого трудового процесса подразумевают различные аудитории и стили. Как и другие формы труда, академическое письмо требует навыков, которые можно приобрести и отточить. И, как и другие формы труда, оно включает в себя творческий и целевой элементы, что весьма благоприятно для рефлексирования и дискуссии.

Последние двенадцать лет я провожу бесплатные индивидуальные занятия по академическому письму во многих университетах и на многих конференциях. Это не те занятия, где участников тренируют Производить Конкурентоспособный Продукт, Предназначенный для Топовых Журналов. Скорее наоборот! Занятия построены на идеях, описанных мною выше: производство организованного знания – процесс изначально социальный и кооперативный, и для этой большой задачи главным моментом является научное письмо.

> Краткое пособие по научно-исследовательскому письму

За последние несколько месяцев мне удалось сформулировать идеи обучения исследовательскому письму в серии постов в блоге. Теперь я упорядочила их и издала в формате электронной брошюры под лицензией Creative Commons.

Название брошюры – «Исследовательское письмо: Советы о принципах и практике» (*Writing for Research: Advice on Principles and Practice*). 42 страницы текста снабжены иллюстративным материалом. Брошюру можно скачать бесплатно с моего сайта: <http://www.raewynconnell.net/p/writing-for-research.html>. Вы можете разослать её всем, кому она может пригодиться, её можно свободно распространять в некоммерческих целях.

Фрагмента манускрипта романа Джойса «Улисс».

В брошюре я рассматриваю историю исследовательского письма и его жанров, рассказываю о практической стороне написания журнальной статьи на примере собственной писательской практики, затрагиваю ключевые вопросы политики письма. Вот краткое оглавление:

Часть первая. О письме

1. Природа письма
2. Исследовательская коммуникация, социальная реальность
3. Жанры исследовательского письма

Часть вторая. Как написать журнальную статью – практические шаги

Резюме, краткое изложение, черновик, доработка, презентация, публикация

Часть третья. Общая картина

1. Программы написания текстов
2. Зачем это делать? Почему это полезно?
3. Некоторые источники

Я приглашаю других опытных исследователей поделиться своими практиками и размышлениями, чтобы помочь сформулировать наше понимание профессии. И я жду комментариев по поводу этой статьи! ■

Корреспонденцию направляйте Рейвин Коннелл на адрес <raewyn.connell@sydney.edu.au>

> Приветствуем казахскую команду «Глобального диалога»!

Казахская команда «Глобального диалога» появилась в 2015 году благодаря инициативе Айгуль Забировой. С потрясающим упорством они распространяют «Глобальный диалог» по всему Казахстану, преодолевая трудности перевода журнала на казахский язык.

Айгуль Забирова – профессор социологии и декан-организатор социологического факультета Евразийского национального университета имени Льва Гумилева в Алма-Ате. Она училась в Москве, защитила докторскую диссертацию по социологии в Институте социологии РАН (Москва, 2004). Ее текущая исследовательская работа посвящена социально-экономической ситуации частных домохозяйств в Казахстане и Кыргызстане. Она является соавтором монографии «Когда зарплаты не хватает: частные домохозяйства в Средней Азии» (When Salary is not enough: Private Households in Central Asia (Verlag, May 2015)).

Айгуль преподает ряд курсов по городской социологии и социальной теории. Ее исследования и тексты посвящены в основном политике идентичности на постсоветском пространстве, а также урбанизации и миграции в Средней Азии. Она – призер многих международных конкурсов и не раз получала исследовательские гранты Фонда Макартуров (2000-01, 2002-03), ИНТАС (2005-07), программы «Техническая помощь СНГ» (2007), Фонда Фольсваген (2011-13), Института «Открытое общество» (2001-03), Центрально-Европейского университета (2001, 2008), а также Министерства науки Казахстана. Она работала научным сотрудником в Школе восточных и африканских исследований в Лондоне (2011), в Университете Лунд в Швеции (2008), Университете Уорвика (2007), Университете Индианы, США (2002). С 2010 года она является членом Международной социологической ассоциации.

Баян Смагамбет – доцент факультета социологии Евразийского национального университета. Она училась в Алма-Ате и защитила кандидатскую диссертацию по социологии в Национальном казахском университете имени Аль-Фараби в 1998 году. Баян преподает историю социологии и экономическую социологию. Ее исследовательские интересы включают в себя социальное неравенство и рынок труда. Она опубликовала несколько монографий на казахском языке – «История социологии», «Экономическая социология», «Социальная история» – и около 20 статей.

Адил Родионов – старший преподаватель факультета социологии Евразийского национального университета. Он также работает в одном из казахстанских аналитических центров, «Институт евразийской интеграции». Имеет степень PhD Евразийского национального университета (2009 г.), работал научным сотрудником в Центрально-Европейском университете (Будапешт, 2013-14 г.) Его исследовательские интересы лежат в области исследования социальных сетей, гражданского общества и истории социальных наук. В настоящее время он работает над исследовательским проектом, посвященным сетям казахстанских неправительственных организаций. Краткое описание проекта доступно по адресу: http://e-valuation.kz/social_capital_en.html.

Гани Мадьярбеков – преподаватель факультета социологии Евразийского национального университета, где он в 2010 году получил магистерскую степень по социологии. Он преподает теоретическую социологию, читает курсы по проблематике социальной структуры и стратификация, экономической социологии, социологии элит, социологии миграций и введение в социологию. Он занимается исследованиями динамики власти на рабочем месте и изучает разнообразные формы административного контроля. Среди его интересов – марксистская теория и ее перспективы.